

Ката

Риос

ОКНА НАПРОТИВ

А что, если вредная соседка -
твоя судьба?

Ката Риос

Окна напротив

<https://litres.ru/73907626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — студентка консерватории, которая ненавидит громкие звуки.

Он — барабанщик, который не выносит тишину.

Их квартиры разделяют три метра дворового колодца. Их жизни не должны были пересечься.

Но однажды она вывесила плакат: «ТЫ БЕЗДАРЬ».

А он ответил коробкой вонючего сыра.

Война началась. Кто кого перебесит?

И что делать, если в самый разгар ненависти ты вдруг слышишь, как твой враг играет твою мелодию — и попадает в самое сердце?

История о том, что от любви до ненависти — всего одна нота.

Содержание

Глава 1. Шум в тишине	4
Глава 2. Барабанщик	10
Глава 3. Марш Радецкого	27
Глава 4. Диалог сквозь закрытую дверь	48
Глава 5. Первая искра	89
Глава 6. Случай в булочной	95
Глава 7. Последняя капля	103
Глава 8. Роковая простыня	110
Глава 9. И снова сыр	115
Глава 10. "Стеклобой без ритма"	120
Глава 11. Первый дуэт	126
Глава 12. Утренний сюрприз	131
Глава 13. Визуальный контакт	136
Глава 14. Территория барабанщика	141
Глава 15. Глухота	148
Глава 16. Почти поцелуй	155
Глава 17. Лаборатория	160
Глава 18. "Окна напротив"	167
Глава 19. Группа против	173
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Ката Риос

Окна напротив

Глава 1. Шум в тишине

Тишина в этой квартире была особенной.

Не глухой, не мёртвой — а живой, дышащей, как старый дом, который помнил ещё дореволюционную кладку и голоса жильцов, давно превратившихся в фотографии на могильных плитах. Ася различала в ней слои: вот холодильник вздохнул и затих, вот половица скрипнула под невидимой ногой (просто дерево играет, говорила она себе, просто дерево дышит), вот вода в трубах — далёкая, чужая, с пятого этажа.

Она сидела на полу в гостиной, скрестив ноги, и держала диктофон на вытянутой руке, как подношение невидимому божеству. Старенький Zoom H1, потёртый по углам, с трещиной на дисплее — подарок мамы на поступление, ещё когда мама верила, что из этого что-то выйдет.

— Ну давай, — прошептала Ася. — Не подведи.

Красный огонёк записи подмигивал ей в полумраке. Три минуты сорок секунд. Четыре минуты. Четыре двадцать.

Она закрыла глаза.

Это был её дипломный проект — «Анатомия тишины».

Идея пришла три месяца назад, во время ночной смены в кинотеатре: что, если записать тишину в разных точках города и наложить на немое кино? Не музыку — а именно отсутствие музыки. Паузы. Вдохи пространства. Амбиент заброшенных дворов, шёпот старых стен, дыхание комнаты, где никого нет.

Научный руководитель, профессор Коган, назвал это «концептуально интересным, но академически рискованным». Что на его языке означало: «поставлю тройку и забуду».

Плевать.

Ася хотела сделать это для себя.

Диктофон писал. Квартира молчала — послушно, почти благодарно. Ася даже позволила себе полуулыбку. Может, сегодня получится. Может, этот дубль станет тем самым.

Бум.

Она вздрогнула. Веки распахнулись.

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Не холодильник. Не трубы. Не половицы.

Бас-бочка.

Звук шёл из распахнутого окна напротив — низкий, вязкий, такой плотный, что, казалось, вибрировали стёкла в серванте. Ася медленно, словно во сне, повернула голову.

Дом-колодец — их общая беда и благословение. Окна квартир смотрели друг на друга с расстоянием вытянутой руки. Можно было разглядеть узор на чужих обоях, запах чу-

жого ужина, обрывки чужих разговоров. Три метра воздуха — и никакой приватности.

В проёме напротив горел свет. Жёлтый, резкий, без абажура — голая лампочка под потолком.

И в этом свете двигался человек.

Ася увидела спину — широкую, перечёркнутую ремнём чёрной футболки. Мокрые волосы (только из душа? или пот — уже после первых ударов?), напряжённые плечи. Руки с барабанными палочками взлетали и опускались с механической, почти пугающей точностью.

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Он стучал так, будто пытался разбудить мертвых.

Асин палец всё ещё лежал на кнопке записи. Красный огонёк мигал — беспомощно, бессмысленно. Диктофон послушно заглатывал грохот, перемешивая его с остатками тишины, как миксер перемешивает яйца с сахаром. Запись была безнадёжно испорчена.

Она выключила диктофон.

В наступившей тишине (он сделал паузу — перевести дух? попить воды?) стало слышно, как где-то на четвёртом этаже орёт телевизор, а во дворе лает собака — мелкая, захлёбывающаяся, с истеричными нотками.

Ася смотрела на мужскую спину в жёлтом прямоугольнике окна. Смотрела и чувствовала, как внутри — медленно, неотвратимо — закипает ярость.

Неделя.

Прошла всего неделя с тех пор, как старый жилец съехал, а на его место въехал этот... этот...

Она даже имени его не знала. И не хотела знать.

Знала только, что он играет на барабанах. Что у него идиотская привычка репетировать по ночам. И что его окно находится ровно напротив её окна — так близко, что, кажется, протяни руку, и можно дотронуться до стекла.

Бум.

Он снова ударил. Теперь — по тарелке. Резкий, рассыпчатый звон ворвался в комнату, заметался под потолком, застрял в люстре.

Асин взгляд упал на диктофон. Потом — на часы.

22:47.

Она встала с пола. Подошла к окну. Встала так, чтобы её силуэт было видно — тонкая фигура в мешковатой домашней футболке, волосы собраны в небрежный пучок, который держался на честном слове и карандаше.

Барабанщик не обернулся. Он продолжал играть — самозабвенно, уйдя в ритм с головой, как уходят в шторм. Палочки мелькали. Голова чуть покачивалась в такт. Левая нога отбивала по хай-хэту что-то сложное, синкопированное.

Ася стояла и смотрела.

Смотрела, как перекачиваются мышцы под тканью футболки. Как он иногда вскидывает голову — будто говорит с кем-то невидимым. Как на стене за его спиной дрожит тень — огромная, гротескная, похожая на дирижёра какого-то ин-

фернального оркестра.

«Интересно, — подумала она, — он вообще понимает, что живёт не один в этом доме? Что у других людей есть уши? Нервы? Желание спать по ночам?»

Словно в ответ на её мысли, он остановился.

Пауза — долгая, звенящая.

Ася замерла.

Он медленно, лениво потянулся к бутылке с водой, стоявшей на полу у бас-бочки. Сделал глоток. Потом, будто почувствовав взгляд, начал оборачиваться.

Ася отшатнулась от окна. Прижалась спиной к стене, чувствуя, как колотится сердце. Глупо. Глупо, глупо, глупо. Почему она прячется в собственной квартире? Это он должен прятаться. Это он должен бояться.

Она осторожно выглянула.

Он стоял в проёме и смотрел прямо на неё.

В одной руке — бутылка, в другой — палочка, которую он крутил между пальцами, как сигарету. На губах — тень усмешки.

Ася поняла, что её видно.

Видно её дурацкую футболку с Чеширским котом. Её растрёпанный пучок. Её диктофон, зажатый в побелевших пальцах.

Она задёрнула штору.

Резко. Со звоном колец о карниз.

Ткань качнулась и замерла. Комната погрузилась в полу-

мрак — только красный огонёк диктофона всё ещё мигал, как чей-то терпеливый глаз.

Из-за окна донеслось — или ей показалось? — короткое «ХМ».

А потом тишина.

Настоящая. Глубокая.

И в этой тишине Ася вдруг поняла, что даже сквозь ткань шторы видит жёлтый прямоугольник его окна. И то, что он всё ещё стоит там. Смотрит сюда.

Не уходит.

Она сжала диктофон.

— Ну уж нет, — прошептала она в темноту. — Ты у меня ещё попляшешь.

Глава 2. Барабанщик

Бум.

Бум.

Бум-бум-бум.

Ритм родился не в голове — в груди. Где-то под левой ключицей, там, где сердце гнало кровь толчками, а тело помнило то, чего ухо не слышало. Матвей закрыл глаза и позволил рукам делать то, что они умели лучше всего, — говорить без слов.

Бас-бочка отзывалась в пятках. Малый барабан ложился в правую руку, как рукоять. Хай-хэт отсчитывал восьмые — ровно, монотонно, как метроном, вживлённый под кожу. Сегодня ритм был зол. Сегодня ритм хотел крушить.

Матвей не останавливал его.

Репетиция прошла дерьмово. Он вернулся домой в одиннадцатом часу, швырнул рюкзак в угол, стянул пропотевшую футболку, встал под ледяной душ и стоял, пока не перестал чувствовать кончики пальцев.

Не помогло.

«Ты лажаешь, Королёв».

Голос Ильи — басиста и, по совместительству, главного зануды в их группе — до сих пор сидел в голове, как заноза.

«Мы теряем драйв. В третьем треке ты поплыл на переходе. В пятом — опоздал на вступление. Это слышно, Мэт.

Это слышат все»!

Матвей тогда ничего не ответил. Просто кивнул и начал собирать установку. Спорить было бессмысленно. Илья говорил правду.

Проблема была в том, что Матвей не знал, как это исправить.

Он не слышал того, что слышали они. Вернее, слышал — но не так. Не полностью. Левое ухо с четырнадцати лет работало вполсилы, а после двадцати начало сдавать окончательно. Врачи говорили что-то про нейросенсорную тугоухость, про последствия менингита, про «надо было беречься». Матвей кивал и выбрасывал рецепты в урну.

Беречься! Смешно!

Как можно беречься, если ты — барабанщик!? Если ритм — это единственное, что держит тебя на плаву?

Он играл телом. Чувствовал вибрацию бас-бочки ступнями, резонанс малого — ладонями, звон тарелок — где-то в зубах. Он не слышал музыку — он её осязал. И до недавнего времени этого хватало.

До недавнего времени

Бум.

Он ударил по тарелке резче, чем нужно. Звук получился злой, рассыпчатый, с металлическим послевкусием. Соседи, наверное, вздрогнули. И чёрт с ними!

Матвей перехватил палочку поудобнее и усмехнулся. Интересно, она уже там? За своей дурацкой шторой?

Он обернулся через плечо, не переставая играть. Окно напротив светилось ровным, спокойным светом. Не резким, жёлтым, как у него (на абажур денег не хватило) — а тёплым, ламповым, чуть розоватым. Торшер, наверное. Или гирлянда. Девчонка жила одна, это он уже выяснил. Ни гостей, ни шумных компаний. Только она, её пианино и её диктофон, с которым она сидела по вечерам, как с ручным зверьком.

Матвей вспомнил, как в первый же вечер заметил красный огонёк в её окне. Она сидела на полу, скрестив ноги, и записывала... что? Тишину? Серьёзно???

Он тогда чуть не рассмеялся.

А потом начал играть. Специально — громче обычного. Просто чтобы посмотреть на реакцию.

Реакция не заставила себя ждать.

На следующее утро, ровно в семь ноль-ноль, из её окна грянула опера. Не просто музыка — нет. Это был Марш Радецкого, врубленный на такую громкость, что у Матвея заложило даже здоровое ухо. Он подскочил на кровати, матерясь сквозь зубы, а она стояла у подоконника и пила кофе — медленно, смакуя, глядя прямо на него.

С той минуты война была объявлена.

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Он играл и ждал.

Ждал, когда она появится в окне. Когда нервно задёрнет шторы. Когда включит свою оперу в отместку. Что угодно — только не тишина. Тишина его бесила. В тишине он слышал

только собственное дыхание и писк в левом ухе — высокий, монотонный, как комариный вой.

В тишине он оставался один на один с мыслями, от которых бежал с четырнадцати лет.

Ты не достоин.

Ты никогда не станешь тем, кем хочешь.

Твой ритм — фальшивка. Ты сам — фальшивка.

Он ударил сильнее. И тут заметил движение за шторой напротив.

Она стояла там. Матвей не видел лица, но видел силуэт — хрупкий, напряжённый, с этим её дурацким пучком на голове, из которого вечно торчал карандаш.

Она смотрела на него.

Он остановился.

Пауза.

Тишина — настоящая, глубокая, почти осязаемая — заполнила комнату.

Матвей потянулся за бутылкой воды, не сводя глаз с её окна. Сделал глоток. Медленно, демонстративно.

Она отшатнулась. Быстро, испуганно, как пойманный зверёк. Матвей усмехнулся.

— Ну и чего ты боишься? — пробормотал он себе под нос, крутя палочку между пальцами. — Я просто играю. Ты же любишь музыку. Ты же музыкант!

Он не знал точно, музыкант ли она. Просто видел клавиши в её комнате — старенькое пианино «Красный Октябрь»,

судя по корпусу. И слышал однажды, как она играла перед сном — что-то классическое, сложное, с длинными арпеджио. Играла хорошо. Очень хорошо. Но тихо, будто извиняясь за каждый звук.

Это его зацепило.

Матвей смотрел на задёрнутую штору и чувствовал странную смесь раздражения и любопытства. Она всегда так реагирует? Всегда прячется? Или это он её пугает?

Штора дёрнулась. На мгновение он увидел её лицо — бледное, с тёмными глазами и упрямо сжатым ртом.

Она смотрела прямо на него.

Он поднял бутылку — молчаливый тост. Она задёрнула штору с такой силой, что карниз звякнул.

— Хм.

Матвей хмыкнул и отвернулся к установке. Сделал ещё глоток. Вода была тёплой и безвкусной.

За стеной, в подъезде, хлопнула дверь — кто-то вышел покурить на лестницу. Во дворе залаяла собака. Где-то наверху, наверное, у Карповых с пятого, заплакал ребёнок.

Дом жил своей жизнью. А в его комнате стояла тишина. Матвей покрутил палочку в пальцах и положил её на малый барабан. Играть расхотелось.

Он подошёл к окну и опёрся ладонями о подоконник. Её штора была плотной, тёмно-синей, без единой щели. Но он знал, что она не ушла. Стояла там, за плотной тканью. Проклинала его.

— Извини, — сказал Матвей негромко. — Поздно уже. Надо было раньше заткнуться.

Он знал, что она не услышит. Окна закрыты. Три метра воздуха. Но сказать это было нужно.

Завтра в отместку она *снова* включит свою оперу в семь утра. Он *снова* не выспится. Группа *снова* будет недовольна. Илья *снова* посмотрит на него с этим выражением «ты нас всех подводишь».

И он *снова* сядет за установку вечером.

Потому что больше ничего не умеет.

Матвей задёрнул свою штору — старую простыню, которую он прицепил на карниз в первый же день. Жёлтый свет лампочки сделал ткань похожей на экран. Он выключил свет.

Темнота.

В темноте было слышно, как в её комнате играет тихая музыка. Не опера — что-то другое. Мелодия, которую он не знал.

Матвей повернул голову, прислушался здоровым ухом. Мелодия была грустной.

И очень красивой.

Бум.

Бум-бум-бум.

Ритм рождался не в голове — в груди. Где-то под левой ключицей, там, где сердце гнало кровь толчками, а тело помнило то, чего ухо не слышало. Матвей закрыл глаза и позволил рукам делать то, что они умели лучше всего, — говорить

без слов.

Бас-бочка отзывалась в пятках. Малый барабан ложился в правую руку, как рукоять. Хай-хэт отсчитывал восьмые — ровно, монотонно, как метроном, вживлённый под кожу. Сегодня ритм был зол. Сегодня ритм хотел крушить.

Матвей не останавливал его.

Репетиция прошла дерьмово. Он вернулся домой в одиннадцатом часу, швырнул рюкзак в угол, стянул пропотевшую футболку, встал под ледяной душ и стоял, пока не перестал чувствовать кончики пальцев.

Не помогло.

«Ты лажаешь, Королёв».

Голос Ильи — басиста и, по совместительству, главного зануды в их группе — до сих пор сидел в голове, как заноза.

«Мы теряем драйв. В третьем треке ты поплыл на переходе. В пятом — опоздал на вступление. Это слышно, Мэт. Это слышат все»!

Матвей тогда ничего не ответил. Просто кивнул и начал собирать установку. Спорить было бессмысленно. Илья говорил правду.

Проблема была в том, что Матвей не знал, как это исправить.

Он не слышал того, что слышали они. Вернее, слышал — но не так. Не полностью. Левое ухо с четырнадцати лет работало вполсилы, а после двадцати начало сдавать окончательно. Врачи говорили что-то про нейросенсорную тугоухость,

про последствия менингита, про «надо было беречься». Матвей кивал и выбрасывал рецепты в урну.

Беречься! Смешно!

Как можно беречься, если ты — барабанщик!? Если ритм — это единственное, что держит тебя на плаву?

Он играл телом. Чувствовал вибрацию бас-бочки ступнями, резонанс малого — ладонями, звон тарелок — где-то в зубах. Он не слышал музыку — он её осязал. И до недавнего времени этого хватало.

До недавнего времени

Бум.

Он ударил по тарелке резче, чем нужно. Звук получился злой, рассыпчатый, с металлическим послевкусием. Соседи, наверное, вздрогнули. И чёрт с ними!

Матвей перехватил палочку поудобнее и усмехнулся. Интересно, она уже там? За своей дурацкой шторой?

Он обернулся через плечо, не переставая играть. Окно напротив светилось ровным, спокойным светом. Не резким, жёлтым, как у него (на абажур денег не хватило) — а тёплым, ламповым, чуть розоватым. Торшер, наверное. Или гирлянды. Девчонка жила одна, это он уже выяснил. Ни гостей, ни шумных компаний. Только она, её пианино и её диктофон, с которым она сидела по вечерам, как с ручным зверьком.

Матвей вспомнил, как в первый же вечер заметил красный огонёк в её окне. Она сидела на полу, скрестив ноги, и записывала... что? Тишину? Серьёзно???

Он тогда чуть не рассмеялся.

А потом начал играть. Специально — громче обычного. Просто чтобы посмотреть на реакцию.

Реакция не заставила себя ждать.

На следующее утро, ровно в семь ноль-ноль, из её окна грянула опера. Не просто музыка — нет. Это был Марш Радецкого, врубленный на такую громкость, что у Матвея заложило даже здоровое ухо. Он подскочил на кровати, матерясь сквозь зубы, а она стояла у подоконника и пила кофе — медленно, смакуя, глядя прямо на него.

С той минуты война была объявлена.

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Он играл и ждал.

Ждал, когда она появится в окне. Когда нервно задёрнет штору. Когда включит свою оперу в отместку. Что угодно — только не тишина. Тишина его бесила. В тишине он слышал только собственное дыхание и писк в левом ухе — высокий, монотонный, как комариный вой.

В тишине он оставался один на один с мыслями, от которых бежал с четырнадцати лет.

Ты не достоин.

Ты никогда не станешь тем, кем хочешь.

Твой ритм — фальшивка. Ты сам — фальшивка.

Он ударил сильнее. И тут заметил движение за шторой напротив.

Она стояла там. Матвей не видел лица, но видел силуэт

— хрупкий, напряжённый, с этим её дурацким пучком на голове, из которого вечно торчал карандаш.

Она смотрела на него.

Он остановился.

Пауза.

Тишина — настоящая, глубокая, почти осязаемая — заполнила комнату.

Матвей потянулся за бутылкой воды, не сводя глаз с её окна. Сделал глоток. Медленно, демонстративно.

Она отшатнулась. Быстро, испуганно, как пойманный зверёк. Матвей усмехнулся.

— Ну и чего ты боишься? — пробормотал он себе под нос, крутя палочку между пальцами. — Я просто играю. Ты же любишь музыку. Ты же музыкант!

Он не знал точно, музыкант ли она. Просто видел клавиши в её комнате — старенькое пианино «Красный Октябрь», судя по корпусу. И слышал однажды, как она играла перед сном — что-то классическое, сложное, с длинными арпеджио. Играла хорошо. Очень хорошо. Но тихо, будто извиняясь за каждый звук.

Это его зацепило.

Матвей смотрел на задёрнутую штору и чувствовал странную смесь раздражения и любопытства. Она всегда так реагирует? Всегда прячется? Или это он её пугает?

Штора дёрнулась. На мгновение он увидел её лицо — бледное, с тёмными глазами и упрямо сжатым ртом.

Она смотрела прямо на него.

Он поднял бутылку — молчаливый тост. Она задёрнула штору с такой силой, что карниз звякнул.

— Хм.

Матвей хмыкнул и отвернулся к установке. Сделал ещё глоток. Вода была тёплой и безвкусной.

За стеной, в подъезде, хлопнула дверь — кто-то вышел покурить на лестницу. Во дворе залаяла собака. Где-то наверху, наверное, у Карповых с пятого, заплакал ребёнок.

Дом жил своей жизнью. А в его комнате стояла тишина. Матвей покрутил палочку в пальцах и положил её на малый барабан. Играть расхотелось.

Он подошёл к окну и опёрся ладонями о подоконник. Её штора была плотной, тёмно-синей, без единой щели. Но он знал, что она не ушла. Стояла там, за плотной тканью. Проклинала его.

— Извини, — сказал Матвей негромко. — Поздно уже. Надо было раньше заткнуться.

Он знал, что она не услышит. Окна закрыты. Три метра воздуха. Но сказать это было нужно.

Завтра в отместку она *снова* включит свою оперу в семь утра. Он *снова* не выспится. Группа *снова* будет недовольна. Илья *снова* посмотрит на него с этим выражением «ты нас всех подводишь».

И он *снова* сядет за установку вечером.

Потому что больше ничего не умеет.

Матвей задёрнул свою штору — старую простыню, которую он прицепил на карниз в первый же день. Жёлтый свет лампочки сделал ткань похожей на экран. Он выключил свет.

Темнота.

В темноте было слышно, как в её комнате играет тихая музыка. Не опера — что-то другое. Мелодия, которую он не знал.

Матвей повернул голову, прислушался здоровым ухом. Мелодия была грустной.

И очень красивой.

Бум.

Бум-бум-бум.

Ритм рождался не в голове — в груди. Где-то под левой ключицей, там, где сердце гнало кровь толчками, а тело помнило то, чего ухо не слышало. Матвей закрыл глаза и позволил рукам делать то, что они умели лучше всего, — говорить без слов.

Бас-бочка отзывалась в пятках. Малый барабан ложился в правую руку, как рукоять. Хай-хэт отсчитывал восьмые — ровно, монотонно, как метроном, вживлённый под кожу. Сегодня ритм был зол. Сегодня ритм хотел крушить.

Матвей не останавливал его.

Репетиция прошла дерьмово. Он вернулся домой в одиннадцатом часу, швырнул рюкзак в угол, стянул пропотевшую футболку, встал под ледяной душ и стоял, пока не перестал чувствовать кончики пальцев.

Не помогло.

«Ты лажаешь, Королёв».

Голос Ильи — басиста и, по совместительству, главного зануды в их группе — до сих пор сидел в голове, как заноза.

«Мы теряем драйв. В третьем треке ты поплыл на переходе. В пятом — опоздал на вступление. Это слышно, Мэт. Это слышат все»!

Матвей тогда ничего не ответил. Просто кивнул и начал собирать установку. Спорить было бессмысленно. Илья говорил правду.

Проблема была в том, что Матвей не знал, как это исправить.

Он не слышал того, что слышали они. Вернее, слышал — но не так. Не полностью. Левое ухо с четырнадцати лет работало вполсилы, а после двадцати начало сдавать окончательно. Врачи говорили что-то про нейросенсорную тугоухость, про последствия менингита, про «надо было беречься». Матвей кивал и выбрасывал рецепты в урну.

Беречься! Смешно!

Как можно беречься, если ты — барабанщик!? Если ритм — это единственное, что держит тебя на плаву?

Он играл телом. Чувствовал вибрацию бас-бочки ступнями, резонанс малого — ладонями, звон тарелок — где-то в зубах. Он не слышал музыку — он её осязал. И до недавнего времени этого хватало.

До недавнего времени

Бум.

Он ударил по тарелке резче, чем нужно. Звук получился злой, рассыпчатый, с металлическим послевкусием. Соседи, наверное, вздрогнули. И чёрт с ними!

Матвей перехватил палочку поудобнее и усмехнулся. Интересно, она уже там? За своей дурацкой шторой?

Он обернулся через плечо, не переставая играть. Окно напротив светилось ровным, спокойным светом. Не резким, жёлтым, как у него (на абажур денег не хватило) — а тёплым, ламповым, чуть розоватым. Торшер, наверное. Или гирлянды. Девчонка жила одна, это он уже выяснил. Ни гостей, ни шумных компаний. Только она, её пианино и её диктофон, с которым она сидела по вечерам, как с ручным зверьком.

Матвей вспомнил, как в первый же вечер заметил красный огонёк в её окне. Она сидела на полу, скрестив ноги, и записывала... что? Тишину? Серьёзно???

Он тогда чуть не рассмеялся.

А потом начал играть. Специально — громче обычного. Просто чтобы посмотреть на реакцию.

Реакция не заставила себя ждать.

На следующее утро, ровно в семь ноль-ноль, из её окна грянула опера. Не просто музыка — нет. Это был Марш Радецкого, врубленный на такую громкость, что у Матвея заложило даже здоровое ухо. Он подскочил на кровати, матерясь сквозь зубы, а она стояла у подоконника и пила кофе — медленно, смакуя, глядя прямо на него.

С той минуты война была объявлена.

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Он играл и ждал.

Ждал, когда она появится в окне. Когда нервно задёрнет штору. Когда включит свою оперу в отместку. Что угодно — только не тишина. Тишина его бесила. В тишине он слышал только собственное дыхание и писк в левом ухе — высокий, монотонный, как комариный вой.

В тишине он оставался один на один с мыслями, от которых бежал с четырнадцати лет.

Ты не достоин.

Ты никогда не станешь тем, кем хочешь.

Твой ритм — фальшивка. Ты сам — фальшивка.

Он ударил сильнее. И тут заметил движение за шторой напротив.

Она стояла там. Матвей не видел лица, но видел силуэт — хрупкий, напряжённый, с этим её дурацким пучком на голове, из которого вечно торчал карандаш.

Она смотрела на него.

Он остановился.

Пауза.

Тишина — настоящая, глубокая, почти осязаемая — заполнила комнату.

Матвей потянулся за бутылкой воды, не сводя глаз с её окна. Сделал глоток. Медленно, демонстративно.

Она отшатнулась. Быстро, испуганно, как пойманный зве-

рёк. Матвей усмехнулся.

— Ну и чего ты боишься? — пробормотал он себе под нос, крутя палочку между пальцами. — Я просто играю. Ты же любишь музыку. Ты же музыкант!

Он не знал точно, музыкант ли она. Просто видел клавиши в её комнате — старенькое пианино «Красный Октябрь», судя по корпусу. И слышал однажды, как она играла перед сном — что-то классическое, сложное, с длинными арпеджио. Играла хорошо. Очень хорошо. Но тихо, будто извиняясь за каждый звук.

Это его зацепило.

Матвей смотрел на задёрнутую штору и чувствовал странную смесь раздражения и любопытства. Она всегда так реагирует? Всегда прячется? Или это он её пугает?

Штора дёрнулась. На мгновение он увидел её лицо — бледное, с тёмными глазами и упрямо сжатым ртом.

Она смотрела прямо на него.

Он поднял бутылку — молчаливый тост. Она задёрнула штору с такой силой, что карниз звякнул.

— Хм.

Матвей хмыкнул и отвернулся к установке. Сделал ещё глоток. Вода была тёплой и безвкусной.

За стеной, в подъезде, хлопнула дверь — кто-то вышел покурить на лестницу. Во дворе залаяла собака. Где-то наверху, наверное, у Карповых с пятого, заплакал ребёнок.

Дом жил своей жизнью. А в его комнате стояла тишина.

Матвей покрутил палочку в пальцах и положил её на малый барабан. Играть расхотелось.

Он подошёл к окну и опёрся ладонями о подоконник. Её штора была плотной, тёмно-синей, без единой щели. Но он знал, что она не ушла. Стояла там, за плотной тканью. Проклинала его.

— Извини, — сказал Матвей негромко. — Поздно уже. Надо было раньше заткнуться.

Он знал, что она не услышит. Окна закрыты. Три метра воздуха. Но сказать это было нужно.

Завтра в отместку она *снова* включит свою оперу в семь утра. Он *снова* не выспится. Группа *снова* будет недовольна. Илья *снова* посмотрит на него с этим выражением «ты нас всех подводишь».

И он *снова* сядет за установку вечером.

Потому что больше ничего не умеет.

Матвей задёрнул свою штору — старую простыню, которую он прицепил на карниз в первый же день. Жёлтый свет лампочки сделал ткань похожей на экран. Он выключил свет.

Темнота.

В темноте было слышно, как в её комнате играет тихая музыка. Не опера — что-то другое. Мелодия, которую он не знал.

Матвей повернул голову, прислушался здоровым ухом. Мелодия была грустной.

И очень красивой.

Глава 3. Марш Радецкого

Будильник зазвонил в шесть сорок пять.

Ася открыла глаза раньше — за минуту до сигнала. Она всегда просыпалась за минуту. Организм ненавидел резкие звуки и научился опережать их, как зверь, который чует опасность до того, как хрустнет ветка под ногой охотника.

Она лежала в сером утреннем полумраке и смотрела в потолок. По потолку тянулась трещина — тонкая, извилистая, как русло пересохшей реки. Ася знала каждый её изгиб. За три года в этой квартире она изучила трещину лучше, чем собственное лицо.

Будильник заорал.

Она выключила его одним движением — палец попал точно в кнопку, мышечная память, выдрессированная сотнями повторений. Села на кровати. Сунула ноги в тапки. Подошла к окну и раздвинула шторы.

Его окно было тёмным.

Ася позволила себе короткую, хищную улыбку.

— Доброе утро, сосед.

Кофе она варила в тишине. Турка, плита, медленный огонь. Пена поднялась шапкой — густая, почти чёрная, с горьким ароматом, который заполнил кухню. Ася перелила кофе в любимую кружку (синяя, с трещиной на боку, из бабушкиного Ленинградского фарфорового сервиза) и верну-

лась к окну.

Встала так, чтобы её было видно.

Сделала глоток. Медленно. Смакуя.

Шесть пятьдесят восемь.

Она дотянулась до пульта от музыкального центра. Тот стоял тут же, на подоконнике — она специально перетащила его сюда вчера вечером. Старенький Sony, ещё с CD-чейнджером. Диск был уже внутри. Нужный трек — под номером четыре.

Шесть пятьдесят девять.

Ася не сводила глаз с окна соседа.

Ровно в семь ноль-ноль её палец лёг на кнопку Play. «Марш Радецкого» грянул так, что задребезжали стёкла в серванте.

Бравурные скрипки ворвались в тишину двора, как армия, идущая в атаку. Медь взревела. Барабаны — о, ирония — вступили точным, выверенным ритмом, которому позавидовал бы любой военный оркестр. Музыка заполнила Асину комнату, выплеснулась в распахнутое окно, отразилась от стен дома-колодца и обрушилась на спящий двор, как водопад.

Ася сделала ещё глоток кофе.

Не отрывая глаз от окна напротив.

Простыня дёрнулась. Раз. Другой. Из-за неё показалась рука — слепо шарящая по подоконнику в поисках неизвестно чего.

«Окно закрой, — мысленно посоветовала Ася. — Не поможет, но хоть попробуй».

Рука исчезла. Потом появилась снова — вместе с головой. Матвей Королёв, собственной персоной.

Вид у него был... впечатляющий. Волосы стояли дыбом, как воронье гнездо после урагана. Глаза — красные, прищуренные, с отёкшими веками. Футболка задралась на плече, открывая татуировку — какой-то ритмический рисунок, смысла которого Ася не знала и знать не хотела. Он щурился на свет и пытался сфокусировать взгляд.

На ней.

Ася подняла кружку — молчаливый тост. Она помнила вчерашний вечер. Помнила, как он салютовал ей бутылкой, пока она стояла за шторой, прижав руку к груди. Помнила эту его усмешку — наглую, снисходительную, как у человека, который привык, что ему всё сходит с рук.

Не сойдёт.

Матвей уставился на неё. Потом на её колонки. Потом снова на неё. Губы его шевельнулись, и Асе не нужно было читать по губам, чтобы понять смысл.

Она улыбнулась. Медленно. Тепло. Как будто они друзья, которые встретились за утренним кофе.

И прибавила громкость.

Где-то на верхнем этаже заплакал ребёнок. В форточке бабы Зои качнулась занавеска — консьержка, судя по всему, была недовольна утренним маршем.

Ася знала, что рискует. Что соседи могут вызвать полицию. Что это ребячество, глупость и вообще не её стиль. Но смотрела на его перекошенное лицо — и чувствовала глубокое, почти забытое удовлетворение.

За три минуты до конца марша он сдался.

Окно напротив захлопнулось с такой силой, что стёкла — она готова была поклясться — жалобно звякнули. Простыня задёрнулась. Свет не загорелся.

Ася выждала ещё тридцать секунд. Убавила громкость. Выключила музыку.

Тишина накрыла двор, как ватное одеяло. Даже собака перестала лаять.

Девушка стояла у окна с пустой кружкой и чувствовала, как в груди медленно, неохотно гаснет что-то горячее. Победный адреналин. Тёмное, почти запретное удовольствие.

Она не знала, что он глухой. Не знала про менингит, про левое ухо, про то, что высокие частоты резонируют в повреждённом слуховом нерве болью — пронзительной, как гвоздь под молоток. Не знала, что сегодня у него важное сведение демо-записи для фестиваля. Не знала, что там, за задёрнутой простыней, он сейчас сидит на полу, зажимая левое ухо ладонью, и смотрит в стену пустыми глазами.

Она вообще ничего о нём не знала.

Но узнает.

Позже.

А пока — она поставила кружку на подоконник, потяну-

лась и пошла одеваться. Сегодня была среда, а по средам у неё была «Анатомия музыкальной формы» в девять утра. Профессор Коган не прощал опозданий.

Выходя из подъезда, она заметила кое-что на ступеньках. Барабанная палочка, сломанная пополам.

Ася перешагнула ее и пошла к метро, не оборачиваясь. Если этот придурок хотел ее напугать, то у него ничего не вышло!

Ася открыла глаза раньше — за минуту до сигнала. Она всегда просыпалась за минуту. Организм ненавидел резкие звуки и научился опережать их, как зверь, который чует опасность до того, как хрустнет ветка под ногой охотника.

Она лежала в сером утреннем полумраке и смотрела в потолок. По потолку тянулась трещина — тонкая, извилистая, как русло пересохшей реки. Ася знала каждый её изгиб. За три года в этой квартире она изучила трещину лучше, чем собственное лицо.

Будильник заорал.

Она выключила его одним движением — палец попал точно в кнопку, мышечная память, выдрессированная сотнями повторений. Села на кровати. Сунула ноги в тапки. Подошла к окну и раздвинула шторы.

Его окно было тёмным.

Ася позволила себе короткую, хищную улыбку.

— Доброе утро, сосед.

Кофе она варила в тишине. Турка, плита, медленный

огонь. Пена поднялась шапкой — густая, почти чёрная, с горьким ароматом, который заполнил кухню. Ася перелила кофе в любимую кружку (синяя, с трещиной на боку, из бабушкиного Ленинградского фарфорового сервиза) и вернулась к окну.

Встала так, чтобы её было видно.

Сделала глоток. Медленно. Смакуя.

Шесть пятьдесят восемь.

Она дотянулась до пульта от музыкального центра. Тот стоял тут же, на подоконнике — она специально перетащила его сюда вчера вечером. Старенький Sony, ещё с CD-чейнджером. Диск был уже внутри. Нужный трек — под номером четыре.

Шесть пятьдесят девять.

Ася не сводила глаз с окна соседа.

Ровно в семь ноль-ноль её палец лёг на кнопку Play. «Марш Радецкого» грянул так, что задребезжали стёкла в серванте.

Бравурные скрипки ворвались в тишину двора, как армия, идущая в атаку. Медь взревела. Барабаны — о, ирония — вступили точным, выверенным ритмом, которому позавидовал бы любой военный оркестр. Музыка заполнила Асину комнату, выплеснулась в распахнутое окно, отразилась от стен дома-колодца и обрушилась на спящий двор, как водопад.

Ася сделала ещё глоток кофе.

Не отрывая глаз от окна напротив.

Простыня дёрнулась. Раз. Другой. Из-за неё показалась рука — слепо шарящая по подоконнику в поисках неизвестно чего.

«Окно закрой, — мысленно посоветовала Ася. — Не поможет, но хоть попробуй».

Рука исчезла. Потом появилась снова — вместе с головой. Матвей Королёв, собственной персоной.

Вид у него был... впечатляющий. Волосы стояли дыбом, как воронье гнездо после урагана. Глаза — красные, прищуренные, с отёкшими веками. Футболка задралась на плече, открывая татуировку — какой-то ритмический рисунок, смысла которого Ася не знала и знать не хотела. Он щурился на свет и пытался сфокусировать взгляд.

На ней.

Ася подняла кружку — молчаливый тост. Она помнила вчерашний вечер. Помнила, как он салютовал ей бутылкой, пока она стояла за шторой, прижав руку к груди. Помнила эту его усмешку — наглую, снисходительную, как у человека, который привык, что ему всё сходит с рук.

Не сойдёт.

Матвей уставился на неё. Потом на её колонки. Потом снова на неё. Губы его шевельнулись, и Асе не нужно было читать по губам, чтобы понять смысл.

Она улыбнулась. Медленно. Тепло. Как будто они друзья, которые встретились за утренним кофе.

И прибавила громкость.

Где-то на верхнем этаже заплакал ребёнок. В форточке бабы Зои качнулась занавеска — консьержка, судя по всему, была недовольна утренним маршем.

Ася знала, что рискует. Что соседи могут вызвать полицию. Что это ребячество, глупость и вообще не её стиль. Но смотрела на его перекошенное лицо — и чувствовала глубокое, почти забытое удовлетворение.

За три минуты до конца марша он сдался.

Окно напротив захлопнулось с такой силой, что стёкла — она готова была поклясться — жалобно звякнули. Простыня задёрнулась. Свет не загорелся.

Ася выждала ещё тридцать секунд. Убавила громкость. Выключила музыку.

Тишина накрыла двор, как ватное одеяло. Даже собака перестала лаять.

Девушка стояла у окна с пустой кружкой и чувствовала, как в груди медленно, неохотно гаснет что-то горячее. Победный адреналин. Тёмное, почти запретное удовольствие.

Она не знала, что он глухой. Не знала про менингит, про левое ухо, про то, что высокие частоты резонируют в повреждённом слуховом нерве болью — пронзительной, как гвоздь под молоток. Не знала, что сегодня у него важное сведение демо-записи для фестиваля. Не знала, что там, за задёрнутой простыней, он сейчас сидит на полу, зажимая левое ухо ладонью, и смотрит в стену пустыми глазами.

Она вообще ничего о нём не знала.

Но узнает.

Позже.

А пока — она поставила кружку на подоконник, потянулась и пошла одеваться. Сегодня была среда, а по средам у неё была «Анатомия музыкальной формы» в девять утра. Профессор Коган не прощал опозданий.

Выходя из подъезда, она заметила кое-что на ступеньках.

Барабанная палочка, сломанная пополам.

Ася перешагнула ее и пошла к метро, не оборачиваясь.

Если этот придурок хотел ее напугать, то у него ничего не вышло!

Ася открыла глаза раньше — за минуту до сигнала. Она всегда просыпалась за минуту. Организм ненавидел резкие звуки и научился опережать их, как зверь, который чует опасность до того, как хрустнет ветка под ногой охотника.

Она лежала в сером утреннем полумраке и смотрела в потолок. По потолку тянулась трещина — тонкая, извилистая, как русло пересохшей реки. Ася знала каждый её изгиб. За три года в этой квартире она изучила трещину лучше, чем собственное лицо.

Будильник заорал.

Она выключила его одним движением — палец попал точно в кнопку, мышечная память, выдрессированная сотнями повторений. Села на кровати. Сунула ноги в тапки. Подошла к окну и раздвинула шторы.

Его окно было тёмным.

Ася позволила себе короткую, хищную улыбку.

— Доброе утро, сосед.

Кофе она варила в тишине. Турка, плита, медленный огонь. Пена поднялась шапкой — густая, почти чёрная, с горьким ароматом, который заполнил кухню. Ася перелила кофе в любимую кружку (синяя, с трещиной на боку, из бабушкиного Ленинградского фарфорового сервиза) и вернулась к окну.

Встала так, чтобы её было видно.

Сделала глоток. Медленно. Смакуя.

Шесть пятьдесят восемь.

Она дотянулась до пульта от музыкального центра. Тот стоял тут же, на подоконнике — она специально перетащила его сюда вчера вечером. Старенький Sony, ещё с CD-чейнджером. Диск был уже внутри. Нужный трек — под номером четыре.

Шесть пятьдесят девять.

Ася не сводила глаз с окна соседа.

Ровно в семь ноль-ноль её палец лёг на кнопку Play. «Марш Радецкого» грянул так, что задребезжали стёкла в серванте.

Бравурные скрипки ворвались в тишину двора, как армия, идущая в атаку. Медь взревела. Барабаны — о, ирония — вступили точным, выверенным ритмом, которому позавидовал бы любой военный оркестр. Музыка заполнила Аси-

ну комнату, выплеснулась в распахнутое окно, отразилась от стен дома-колодца и обрушилась на спящий двор, как водопад.

Ася сделала ещё глоток кофе.

Не отрывая глаз от окна напротив.

Простыня дёрнулась. Раз. Другой. Из-за неё показалась рука — слепо шарящая по подоконнику в поисках неизвестно чего.

«Окно закрой, — мысленно посоветовала Ася. — Не поможет, но хоть попробуй».

Рука исчезла. Потом появилась снова — вместе с головой. Матвей Королёв, собственной персоной.

Вид у него был... впечатляющий. Волосы стояли дыбом, как воронье гнездо после урагана. Глаза — красные, прищуренные, с отёкшими веками. Футболка задралась на плече, открывая татуировку — какой-то ритмический рисунок, смысла которого Ася не знала и знать не хотела. Он щурился на свет и пытался сфокусировать взгляд.

На ней.

Ася подняла кружку — молчаливый тост. Она помнила вчерашний вечер. Помнила, как он салютовал ей бутылкой, пока она стояла за шторой, прижав руку к груди. Помнила эту его усмешку — наглую, снисходительную, как у человека, который привык, что ему всё сходит с рук.

Не сойдёт.

Матвей уставился на неё. Потом на её колонки. Потом

снова на неё. Губы его шевельнулись, и Асе не нужно было читать по губам, чтобы понять смысл.

Она улыбнулась. Медленно. Тепло. Как будто они друзья, которые встретились за утренним кофе.

И прибавила громкость.

Где-то на верхнем этаже заплакал ребёнок. В форточке бабы Зои качнулась занавеска — консьержка, судя по всему, была недовольна утренним маршем.

Ася знала, что рискует. Что соседи могут вызвать полицию. Что это ребячество, глупость и вообще не её стиль. Но смотрела на его перекошенное лицо — и чувствовала глубокое, почти забытое удовлетворение.

За три минуты до конца марша он сдался.

Окно напротив захлопнулось с такой силой, что стёкла — она готова была поклясться — жалобно звякнули. Простыня задёрнулась. Свет не загорелся.

Ася выждала ещё тридцать секунд. Убавила громкость. Выключила музыку.

Тишина накрыла двор, как ватное одеяло. Даже собака перестала лаять.

Девушка стояла у окна с пустой кружкой и чувствовала, как в груди медленно, неохотно гаснет что-то горячее. Победный адреналин. Тёмное, почти запретное удовольствие.

Она не знала, что он глухой. Не знала про менингит, про левое ухо, про то, что высокие частоты резонируют в повреждённом слуховом нерве болью — пронзительной, как

гвоздь под молоток. Не знала, что сегодня у него важное сведение демо-записи для фестиваля. Не знала, что там, за задёгнутой простынёй, он сейчас сидит на полу, зажимая левое ухо ладонью, и смотрит в стену пустыми глазами.

Она вообще ничего о нём не знала.

Но узнает.

Позже.

А пока — она поставила кружку на подоконник, потянулась и пошла одеваться. Сегодня была среда, а по средам у неё была «Анатомия музыкальной формы» в девять утра. Профессор Коган не прощал опозданий.

Выходя из подъезда, она заметила кое-что на ступеньках. Барабанная палочка, сломанная пополам.

Ася перешагнула ее и пошла к метро, не оборачиваясь. Если этот придурок хотел ее напугать, то у него ничего не вышло!

Ася открыла глаза раньше — за минуту до сигнала. Она всегда просыпалась за минуту. Организм ненавидел резкие звуки и научился опережать их, как зверь, который чует опасность до того, как хрустнет ветка под ногой охотника.

Она лежала в сером утреннем полумраке и смотрела в потолок. По потолку тянулась трещина — тонкая, извилистая, как русло пересохшей реки. Ася знала каждый её изгиб. За три года в этой квартире она изучила трещину лучше, чем собственное лицо.

Будильник заорал.

Она выключила его одним движением — палец попал точно в кнопку, мышечная память, выдрессированная сотнями повторений. Села на кровати. Сунула ноги в тапки. Подошла к окну и раздвинула шторы.

Его окно было тёмным.

Ася позволила себе короткую, хищную улыбку.

— Доброе утро, сосед.

Кофе она варила в тишине. Турка, плита, медленный огонь. Пена поднялась шапкой — густая, почти чёрная, с горьким ароматом, который заполнил кухню. Ася перелила кофе в любимую кружку (синяя, с трещиной на боку, из бабушкиного Ленинградского фарфорового сервиза) и вернулась к окну.

Встала так, чтобы её было видно.

Сделала глоток. Медленно. Смакуя.

Шесть пятьдесят восемь.

Она дотянулась до пульта от музыкального центра. Тот стоял тут же, на подоконнике — она специально перетащила его сюда вчера вечером. Старенький Sony, ещё с CD-чейнджером. Диск был уже внутри. Нужный трек — под номером четыре.

Шесть пятьдесят девять.

Ася не сводила глаз с окна соседа.

Ровно в семь ноль-ноль её палец лёг на кнопку Play. «Марш Радецкого» грянул так, что задребезжали стёкла в серванте.

Бравурные скрипки ворвались в тишину двора, как армия, идущая в атаку. Медь взревела. Барабаны — о, ирония — вступили точным, выверенным ритмом, которому позавидовал бы любой военный оркестр. Музыка заполнила Асинову комнату, выплеснулась в распахнутое окно, отразилась от стен дома-колодца и обрушилась на спящий двор, как водопад.

Ася сделала ещё глоток кофе.

Не отрывая глаз от окна напротив.

Простыня дёрнулась. Раз. Другой. Из-за неё показалась рука — слепо шарящая по подоконнику в поисках неизвестно чего.

«Окно закрой, — мысленно посоветовала Ася. — Не поможет, но хоть попробуй».

Рука исчезла. Потом появилась снова — вместе с головой.

Матвей Королёв, собственной персоной.

Вид у него был... впечатляющий. Волосы стояли дыбом, как воронье гнездо после урагана. Глаза — красные, прищуренные, с отёкшими веками. Футболка задралась на плече, открывая татуировку — какой-то ритмический рисунок, смысла которого Ася не знала и знать не хотела. Он щурился на свет и пытался сфокусировать взгляд.

На ней.

Ася подняла кружку — молчаливый тост. Она помнила вчерашний вечер. Помнила, как он салютовал ей бутылкой, пока она стояла за шторой, прижав руку к груди. Помнила

эту его усмешку — наглую, снисходительную, как у человека, который привык, что ему всё сходит с рук.

Не сойдёт.

Матвей уставился на неё. Потом на её колонки. Потом снова на неё. Губы его шевельнулись, и Асе не нужно было читать по губам, чтобы понять смысл.

Она улыбнулась. Медленно. Тепло. Как будто они друзья, которые встретились за утренним кофе.

И прибавила громкость.

Где-то на верхнем этаже заплакал ребёнок. В форточке бабы Зои качнулась занавеска — консьержка, судя по всему, была недовольна утренним маршем.

Ася знала, что рискует. Что соседи могут вызвать полицию. Что это ребячество, глупость и вообще не её стиль. Но смотрела на его перекошенное лицо — и чувствовала глубокое, почти забытое удовлетворение.

За три минуты до конца марша он сдался.

Окно напротив захлопнулось с такой силой, что стёкла — она готова была поклясться — жалобно звякнули. Простыня задёрнулась. Свет не загорелся.

Ася выждала ещё тридцать секунд. Убавила громкость. Выключила музыку.

Тишина накрыла двор, как ватное одеяло. Даже собака перестала лаять.

Девушка стояла у окна с пустой кружкой и чувствовала, как в груди медленно, неохотно гаснет что-то горячее. По-

бедный адреналин. Тёмное, почти запретное удовольствие.

Она не знала, что он глухой. Не знала про менингит, про левое ухо, про то, что высокие частоты резонируют в повреждённом слуховом нерве болью — пронзительной, как гвоздь под молоток. Не знала, что сегодня у него важное сведение демо-записи для фестиваля. Не знала, что там, за задёрнутой простынёй, он сейчас сидит на полу, зажимая левое ухо ладонью, и смотрит в стену пустыми глазами.

Она вообще ничего о нём не знала.

Но узнает.

Позже.

А пока — она поставила кружку на подоконник, потянулась и пошла одеваться. Сегодня была среда, а по средам у неё была «Анатомия музыкальной формы» в девять утра. Профессор Коган не прощал опозданий.

Выходя из подъезда, она заметила кое-что на ступеньках. Барабанная палочка, сломанная пополам.

Ася перешагнула ее и пошла к метро, не оборачиваясь.

Если этот придурок хотел ее напугать, то у него ничего не вышло!

Ася открыла глаза раньше — за минуту до сигнала. Она всегда просыпалась за минуту. Организм ненавидел резкие звуки и научился опережать их, как зверь, который чует опасность до того, как хрустнет ветка под ногой охотника.

Она лежала в сером утреннем полумраке и смотрела в потолок. По потолку тянулась трещина — тонкая, извилистая,

как русло пересохшей реки. Ася знала каждый её изгиб. За три года в этой квартире она изучила трещину лучше, чем собственное лицо.

Будильник заорал.

Она выключила его одним движением — палец попал точно в кнопку, мышечная память, выдрессированная сотнями повторений. Села на кровати. Сунула ноги в тапки. Подошла к окну и раздвинула шторы.

Его окно было тёмным.

Ася позволила себе короткую, хищную улыбку.

— Доброе утро, сосед.

Кофе она варила в тишине. Турка, плита, медленный огонь. Пена поднялась шапкой — густая, почти чёрная, с горьким ароматом, который заполнил кухню. Ася перелила кофе в любимую кружку (синяя, с трещиной на боку, из бабушкиного Ленинградского фарфорового сервиза) и вернулась к окну.

Встала так, чтобы её было видно.

Сделала глоток. Медленно. Смакуя.

Шесть пятьдесят восемь.

Она дотянулась до пульта от музыкального центра. Тот стоял тут же, на подоконнике — она специально перетащила его сюда вчера вечером. Старенький Sony, ещё с CD-чейнджером. Диск был уже внутри. Нужный трек — под номером четыре.

Шесть пятьдесят девять.

Ася не сводила глаз с окна соседа.

Ровно в семь ноль-ноль её палец лёг на кнопку Play. «Марш Радецкого» грянул так, что задрезбжали стёкла в серванте.

Бравурные скрипки ворвались в тишину двора, как армия, идущая в атаку. Медь взревела. Барабаны — о, ирония — вступили точным, выверенным ритмом, которому позавидовал бы любой военный оркестр. Музыка заполнила Аси-ну комнату, выплеснулась в распахнутое окно, отразилась от стен дома-колодца и обрушилась на спящий двор, как водопад.

Ася сделала ещё глоток кофе.

Не отрывая глаз от окна напротив.

Простыня дёрнулась. Раз. Другой. Из-за неё показалась рука — слепо шарящая по подоконнику в поисках неизвестно чего.

«Окно закрой, — мысленно посоветовала Ася. — Не поможет, но хоть попробуй».

Рука исчезла. Потом появилась снова — вместе с головой. Матвей Королёв, собственной персоной.

Вид у него был... впечатляющий. Волосы стояли дыбом, как воронье гнездо после урагана. Глаза — красные, прищуренные, с отёкшими веками. Футболка задралась на плече, открывая татуировку — какой-то ритмический рисунок, смысла которого Ася не знала и знать не хотела. Он щурился на свет и пытался сфокусировать взгляд.

На ней.

Ася подняла кружку — молчаливый тост. Она помнила вчерашний вечер. Помнила, как он салютовал ей бутылкой, пока она стояла за шторой, прижав руку к груди. Помнила эту его усмешку — наглую, снисходительную, как у человека, который привык, что ему всё сходит с рук.

Не сойдёт.

Матвей уставился на неё. Потом на её колонки. Потом снова на неё. Губы его шевельнулись, и Асе не нужно было читать по губам, чтобы понять смысл.

Она улыбнулась. Медленно. Тепло. Как будто они друзья, которые встретились за утренним кофе.

И прибавила громкость.

Где-то на верхнем этаже заплакал ребёнок. В форточке бабы Зои качнулась занавеска — консьержка, судя по всему, была недовольна утренним маршем.

Ася знала, что рискует. Что соседи могут вызвать полицию. Что это ребячество, глупость и вообще не её стиль. Но смотрела на его перекошенное лицо — и чувствовала глубокое, почти забытое удовлетворение.

За три минуты до конца марша он сдался.

Окно напротив захлопнулось с такой силой, что стёкла — она готова была поклясться — жалобно звякнули. Простыня задёрнулась. Свет не загорелся.

Ася выждала ещё тридцать секунд. Убавила громкость. Выключила музыку.

Тишина накрыла двор, как ватное одеяло. Даже собака перестала лаять.

Девушка стояла у окна с пустой кружкой и чувствовала, как в груди медленно, неохотно гаснет что-то горячее. Победный адреналин. Тёмное, почти запретное удовольствие.

Она не знала, что он глухой. Не знала про менингит, про левое ухо, про то, что высокие частоты резонируют в повреждённом слуховом нерве болью — пронзительной, как гвоздь под молоток. Не знала, что сегодня у него важное сведение демо-записи для фестиваля. Не знала, что там, за задёрнутой простынёй, он сейчас сидит на полу, зажимая левое ухо ладонью, и смотрит в стену пустыми глазами.

Она вообще ничего о нём не знала.

Но узнает.

Позже.

А пока — она поставила кружку на подоконник, потянулась и пошла одеваться. Сегодня была среда, а по средам у неё была «Анатомия музыкальной формы» в девять утра. Профессор Коган не прощал опозданий.

Выходя из подъезда, она заметила кое-что на ступеньках.

Барабанная палочка, сломанная пополам.

Ася перешагнула ее и пошла к метро, не оборачиваясь. Если этот придурок хотел ее напугать, то у него ничего не вышло!

Глава 4. Диалог сквозь закрытую дверь

К концу первой недели их война вышла на уровень всего дома.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который привык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубила. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не

играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, мужским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хотелось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодится». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в какой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случайный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась. Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешливый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакету была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел забирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что теперь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирki, был он. И он

был прав.

Сыр просто отличный.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который привык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА

УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубила. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, мужским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хотелось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодится». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в какой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случай-

ный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась. Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешливый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакетику была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел забирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую

дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что те-

перь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирki, был он. И он был прав.

Сыр просто отличный.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в

подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который привык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего

ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубила. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, мужским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хо-

телось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодится». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в какой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случайный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась.

Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешли-

вый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакету была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел забирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он

сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что теперь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирki, был он. И он был прав.

Сыр просто отличный.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который привык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубила. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас

обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, мужским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хотелось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодит-

ся». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в какой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случайный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась.

Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешливый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила

на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакету была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел забирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что теперь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с

удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирки, был он. И он был прав.

Сыр просто отличный.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который при-

вык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубил. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький

здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, мужским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хотелось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодится». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в какой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случайный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась.

Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешливый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакету была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел забирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об

этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что теперь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе

лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирki, был он. И он был прав.

Сыр просто отличный.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который привык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубила. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового

цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, мужским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хотелось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодится». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в какой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случайный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась. Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешливый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакетику была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла

справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел забирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А

ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что теперь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирки, был он. И он был прав.

Сыр просто отличный.

Всё началось с графика. Ася — методичная, привыкшая раскладывать по нотам даже собственный гнев — распечатала на стареньком принтере объявление и повесила его в подъезде на доску для коммунальных нужд.

ЧАСЫ ТИШИНЫ

С 22:00 до 08:00 — громкие звуки запрещены.

С 08:00 до 22:00 — громкие звуки нежелательны.

Убедительная просьба соблюдать!

И подпись внизу - квартира 12.

Объявление провисело ровно четыре часа. Когда Ася вернулась с пар, поверх её аккуратного текста красовалась надпись, написанная чёрным маркером — размашисто, с летящими хвостами букв, выдающими человека, который привык писать как попало.

ЧАСЫ РОКА

С 18:00 до 22:00 — можно всё!

С 22:00 до 08:00 — ну, мы постараемся.

С 08:00 до 18:00 — ПЕРЕЖИВЁШЬ!!!

Подпись - квартира 13

Внизу кто-то из соседей приписал карандашом: «Ребята, поженитесь уже и не мучайте дом».

Ася покраснела от негодования, скомкала объявление и выбросила в мусоропровод.

На следующий день Матвей повесил новое: «ТИШИНА УБИВАЕТ. РОК СПАСАЕТ. Подпись: твой сосед».

Ася ответила: «ТУПОСТЬ — НЕ ДИАГНОЗ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ. Подпись: та, что напротив».

Баба Зоя, консьержка, божий одуванчик с внешностью бабушки Красной Шапочки и характером волка, сожравшего ее, начала вести счёт этой странной битвы двух квартир.

— Два-ноль в пользу девочки, — объявила она однажды утром, когда Ася спускалась за хлебом. — Он вчера поздно закончил, а ты с утра Моцарта врубила. Красиво, кстати. Но громко. Не делай так больше, соседи уже жалуются на вас обоих.

— Спасибо, Зоя Павловна, — ответила Ася, не зная, как реагировать на такую поддержку.

— Скажу по секрету — я за тебя болею. — баба Зоя хитро прищурилась, — Он, конечно, парень видный, но новенький здесь. Черт его разберет, какой он на самом деле. А ты уже наш человек, давняя жиличка. И все равно, лучше не шуми по утрам, не создавай себе проблем, девочка.

Ася сдержанно улыбнулась и вышла на улицу. У подъезда стоял мопед вредного соседа — древняя «Ява» мышинового цвета, которую он, судя по всему, чинил по ночам, когда не играл на барабанах. К рулю был примотан скотчем какой-то самодельный держатель для телефона.

Ася прошла мимо, стараясь не смотреть. Но она почуяла запах. Мопед пах бензином и ещё чем-то — резким, муж-

ским, незнакомым.

Почему-то от этого запаха у нее по спине пошли мурашки. Вечером того же дня война перешла на новый уровень.

Ася сидела за пианино и пыталась работать над «Анатомией тишины». Проект буксовал — диктофонные записи были безнадежно испорчены шумом, а новых делать не хотелось. Вдохновение, эта капризная сволочь, покинуло её в тот самый момент, когда в доме появился этот чёртов барабанщик.

Ася наигрывала правой рукой простую мелодию — что-то минорное, ещё безымянное, из разряда «может, пригодится». Левая рука лежала на коленях. Окно было приоткрыто — сентябрь стоял тёплый, почти летний. Осенний воздух приятно пах прелыми листьями.

И тут вдруг из окна напротив донеслось ритмичное постукивание.

Ася вздрогнула, подняла голову.

Матвей стоял у подоконника и барабанил пальцами по раме. Не играл — именно барабанил, как делают люди, которым нечем занять руки. Но ритм был сложный, ломаный, с акцентами не на те доли, на которые ждёшь.

Он смотрел прямо на неё.

Ася опустила глаза на клавиши. Продолжила играть. Мелодия текла — медленная, чуть печальная, без чёткого ритмического рисунка.

Он подстроился. Она не сразу это поняла. Просто в ка-

кой-то момент осознала, что его пальцы отбивают не случайный ритм — он аккомпанирует ей. Вступает в паузы. Заполняет тишину между нотами. Это было необычно!

Асю будто пронзил электрический разряд. Она сбилась. Матвей тоже остановился.

Она вскинула голову и встретила его взгляд — насмешливый, но не злой. Скорее изучающий. Он смотрел на неё так, будто ждал ответа.

И она ответила - с грохотом захлопнула крышку пианино, встала, подошла к окну и демонстративно закрыла створку. Потом задёрнула штору. Потом — для верности — включила на телефоне белый шум и вставила наушники.

Но даже сквозь шум она слышала, как он смеётся.

А может, ей это просто показалось?

Не показалось!

Три метра воздуха. И никакой приватности.

На следующий день Ася нашла на своем подоконнике с внешней стороны — он что, по карнизу ходил?! — пакетик с берушами. К пакету была примотана записка: «Вдруг пригодятся. Бесплатно. Сосед».

Ася выбросила беруши в мусорное ведро. Она не могла справиться с негодованием.

Дурак! Что он о себе возомнил?

Вечером она заказала через интернет коробку вонючего сыра с доставкой на адрес соседа. Пусть наслаждается!

Доставка пришла на следующий день. Матвей вышел за-

бирать заказ в подъезд, и Ася слышала сквозь закрытую дверь, как он матерится.

— Ты серьезно?! — крикнул он, и голос эхом разнёсся по лестничной клетке. — Сыр?! Он воняет носками!

— Все для тебя! — осмелев, крикнула в ответ Ася.

Пауза. Потом — смех. Короткий, удивлённый, будто он сам не ожидал, что она умеет так огрызаться.

— Ладно, — донеслось из-за двери. — Один-один.

— Что?

— Счёт, говорю, один-один. Утром был два-ноль, но из-за сыра пересчитаем, я скажу баб Зое.

Ася фыркнула.

— Я не играю в твои игры!

— Ну да, конечно. Поэтому ты заказала сыр. Слушай, а он реально бомбически воняет. Ты какой сорт выбрала?

— Это мюнстер, — сказала Ася и тут же пожалела об этом.

Не надо было показывать, что она разбирается. Это было слишком близко к «мы говорим на одном языке».

За дверью повисла тишина.

— Мюнстер, точно, — повторил Матвей задумчиво. — А ты, значит, разбираешься. Интересно.

— Ничего я не разбираюсь.

— Ага. Я тоже разбираюсь кое в чем. В прошлый раз ты Рахманинова играла. «Элегию»!

Ася замерла.

Он знал «Элегию»? Он узнал её? Невероятно! И что теперь?

— Ты ошибся, — сказала она деревянным голосом и отошла от двери.

— Не думаю. У меня слух хороший. Ну, то, что от него осталось.

Она не ответила. Сердце колотилось где-то в горле от этого странного диалога сквозь закрытую дверь.

— Эй, — позвал парень через минуту. — Ты ещё там?

Ася молчала.

— Ладно. Спасибо за сыр. Представь себе, я его съем с удовольствием. Назло тебе. И вообще, сыр просто отличный!

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Ася стояла в прихожей и смотрела на собственную дверь, как на предателя. За дверью было тихо. Только где-то наверху Карповы укладывали ревущих детей, а собака во дворе лаяла на пустоту.

Она прошла на кухню, открыла холодильник и достала кусочек того самого вонючего мюнстера, который предусмотрительно оставила себе. Отрезала тонкий ломтик. Съела стоя, глядя в тёмное окно соседа-барabanщика.

Где-то там, в темноте маленькой квартирki, был он. И он был прав.

Сыр просто отличный.

Глава 5. Первая искра

Ночь упала на город внезапно — как всегда в сентябре, когда сумерки крадут остатки дня быстрее, чем успеваешь допить чай. Матвей возвращался домой пешком. Мопед остался у репетиционной точки — бензин кончился ровно на середине пути, а денег на заправку не было. Последние триста рублей он потратил на кофе в автомате, и тот, как назло, оказался таким отвратительным, что Матвей выплеснул его в урну после второго глотка.

Репетиция прошла паршиво.

Нет. «Паршиво» — это, пожалуй, даже комплимент.

Репетиция прошла так, будто кто-то проклял его руки, ноги и левое ухо одновременно. Сначала он опоздал на вступление в «Пепел» — их главном треке, том самом, с которого они всегда начинали. Потом потерял темп в бридже, и Лёха-гитарист посмотрел на него с таким выражением, будто Матвей только что растоптал его педаль дисторшна. А потом — вишенка на торте — в «Белом квадрате» он вообще сбился. Просто встал посреди песни, как вкопанный, и смотрел на свои руки, будто они принадлежали кому-то другому.

Илья выключил бас. Лёха перестал играть. Повисла тишина, в которой гулко отдавалось только эхо от последнего удара по тарелке.

— Всё, — сказал Илья.

В его голосе не было злости, только усталость.

Матвей хотел возразить. Хотел сказать: «Давайте ещё раз, я соберусь, я просто не выспался». Но Илья уже снимал; бас-гитару, а Лёха закуривал у окна, и никто на него не смотрел.

Он собрал палочки и ушёл.

Теперь он шёл пешком через ночной район и пинал камешек, который подвернулся под ногу ещё у хлебозавода. Камешек перекатывался по асфальту, звонко цокая в тишине, — единственный ритм, который Матвей сегодня держал.

В голове крутилась одна и та же фраза: «Ты лажаешь, Королёв. Ты их подводишь. Ты себя подводишь. Может, ну его к чёрту? Может, и правда — не твоё?»

Он тряхнул головой, отгоняя мысли. Не помогло. Мысли возвращались, как комары в августе, — сколько ни гоняй, всё равно укусят.

Дом встретил его запахом сырости и жареной картошки. У бабы Зои горел свет — она дежурила круглосуточно, потому что спать в её возрасте, по её собственному выражению, «было расточительно». Старики вообще очень странные люди. Неужто он когда-то станет таким же?

Матвей кивнул в приоткрытую дверь консьержкиной каморки и услышал в ответ:

— Один-один, Королёв. Соседка твоя сегодня тихая. Не спугни.

— Спокойной ночи, Зоя Павловна.

Он поднялся на свой этаж, стараясь не скрипеть половицами. Ключ в замке провернулся с тихим щелчком. Квартира встретила его темнотой, запахом остывшего чая и молчанием.

Матвей не стал включать свет. Стянул кроссовки, бросил рюкзак у двери и прошёл на кухню. Открыл холодильник — внутри сиротливо лежали два яйца, полпалки колбасы и тот самый сыр, которым его вчера хотела разозлить вредная девочка-соседка. Матвей отрезал кусочек и съел стоя, глядя в тёмное окно.

Вкусно. Вот же зараза!

Он налил воды из-под крана, выпил залпом и уже собирался идти в душ, когда услышал звук.

Пианино.

Это она играла.

Матвей замер со стаканом в руке. Прислушался — здоровым ухом, единственным, на которое ещё можно было положиться. Мелодия была негромкой. Она играла почти шёпотом, — видимо, думая, что её никто не слышит. Или не хотела беспокоить соседей (поздно, милая, после «Марша Радецкого» тебя уже ничто не реабилитирует).

Он поставил стакан и подошёл к окну.

Штора у неё была задёрнута — та самая, тёмно-синяя, плотная, без единой щели. Но свет горел, и силуэт угадывался: она сидела за пианино, чуть сгорбившись, и играла правой рукой — левая лежала на коленях или, может быть, сжи-

мала что-то. Диктофон? Платок? Он не видел.

Но он слышал.

Мелодия была... странной. Не классика — по крайней мере, не та классика, которую Матвей слышал в филармонии, куда иногда заходил на галёрку. И не джаз. Это было что-то сырое, незаконченное, будто она импровизировала — или пыталась записать идею, которая ускользала. Минор. Медленный темп. Паузы — длинные, рваные, как дыхание человека, который вот-вот заплачет.

Матвей прислонился лбом к холодному стеклу.

Она сбилась. Повторила фразу с начала. Снова сбилась — на том же месте.

Тишина. Долгая — секунд десять, не меньше. Потом она ударила по клавишам — резко, зло, не музыку, а жест. Аккорд получился диссонансным, режущим, и Матвей поморщился, хотя звук долетел уже приглушённым.

— Давай, — прошептал он в темноту. — Давай, не останавливайся. Ты же можешь.

Он не знал, почему ему это важно. Почему он стоит у окна в час ночи и слушает чужую музыку, словно подслушивает чужую молитву или исповедь.

Она начала снова. На этот раз тише, медленнее. Будто пробовала мелодию на вкус, как пробуют, смакуя, хорошее вино. Правая рука вела основную тему — грустную, почти траурную. Левая вступила позже, добавив басовую линию, простую, но точную.

И вдруг — Матвей не сразу это осознал — в мелодии появился ритм.

Не тот, который он отбивал на своих барабанах, — не рваный, не злой. Другой. Тот, что живёт внутри классических произведений и не лезет наружу. Скрытый пульс, который чувствуешь не ушами — кожей.

Матвей закрыл глаза.

И представил её руки.

Пальцы, бегущие по клавишам. Запястья — тонкие, с голубоватой веной. Левая рука берёт октаву — он услышал это, даже не видя. Правая делает что-то сложное, с хроматическим ходом вверх, и он услышал это тоже.

Он слышал музыку. Всю. Целиком.

Не только ушами.

Это было как удар под дых.

Матвей открыл глаза и увидел, что стоит, прижав ладонь к груди, — там, где сердце отбивало свой вечный ритм, единственный, который ещё ни разу его не подводил. Сердце не глухое. Сердце слышит всё.

Она закончила — резко, на полуслове, будто захлопнула крышку рояля.

Тишина.

Матвей стоял у окна, не двигаясь. В груди что-то пульсировало — не боль, не радость, что-то третье, чему он пока не знал названия. Мелодия застряла в голове. Она будет звучать там всю ночь, он уже знал это. Будет крутиться на повторе,

как заезженная пластинка, и не даст уснуть.

Он нашарил в кармане телефон. Открыл диктофон.

Поздно. Мелодия уже отзвучала. Но он всё равно нажал красную кнопку и прошептал в микрофон:

— Запомнить. То, что она играла. Ми-минор. Темп — кажется, адажио. Правая рука начинает с терции...

Он напел основную тему — тихо, фальшиво, но узнаваемо. Телефон записывал.

В окне напротив погас свет.

Матвей выключил диктофон и остался стоять в темноте. Осенняя ночь дышала в приоткрытую форточку. Пахло прелой листвой и чем-то ещё — едва уловимым, как духи, которые она, может быть, не носит, но он всё равно чувствует.

— Кто ты такая? — спросил он в пустоту.

Пустота не ответила.

Он отлип от окна, дошёл до кровати и рухнул на неё, не раздеваясь. Перед глазами всё ещё плыли клавиши — белые, чёрные, белые. И её пальцы. И её сгорбленная спина.

И мелодия. Эта чёртова мелодия, которую он теперь не забудет.

Завтра он попробует подобрать к ней ритм.

Просто чтобы понять, что это было.

Просто чтобы убедиться, что ему показалось.

Просто.

Глава 6. Случай в булочной

Булочная на углу Кривоколенного и Садовой открывалась в семь утра. К половине восьмого там уже выстраивалась очередь — местные пенсионерки приходили за свежим хлебом, студенты из общежития напротив брали кофе в бумажных стаканчиках, а заспанные молодые мамы с колясками втискивались в узкий проход между стеллажами, пытаясь не задеть пирамиду из круассанов.

Ася пришла в восемь ноль-две.

Она не собиралась заходить в булочную именно сегодня. Вообще-то у неё был йогурт в холодильнике и мюсли, которые мама прислала посылкой («Ты ешь достаточно? Ты похудела! Ты вообще завтракаешь?»). Но кофе закончился — она обнаружила это ровно в тот момент, когда турка уже стояла на плите, — а без кофе Ася Завьялова в восемь утра была не человеком, а его бледной, раздражённой тенью.

Пришлось идти за кофе в булочную.

Звякнул колокольчик над дверью. В нос ударил запах свежей выпечки, ванили и корицы — настолько густой, что можно было резать его ножом. Ася вдохнула поглубже и встала в хвост очереди, мысленно прикидывая: кофе и булочка с маком? Или кофе и круассан? Или просто кофе, потому что до стипендии ещё четыре дня, а в кошельке — пятьсот рублей и проездной?

— Вам что?

— Американо, большой, и... — Ася замялась, глядя на витрину. — И булочку с корицей.

— Четыреста двадцать.

Пока продавщица готовила кофе, Ася отошла к окну и посмотрела на улицу. Утро было серым, как старая газета, — низкие облака цеплялись за электрические провода, моросил мелкий, противный дождь. На асфальте блестели лужи. Где-то вдалеке, на перекрёстке, ругались два водителя.

Колокольчик над дверью звякнул снова.

Ася не обернулась. Мало ли кто заходит в булочную в восемь утра. Полрайона тут завтракает.

Но ей вдруг показалось, что звук шагов за спиной ей знаком. Странное ощущение, но она узнала его раньше, чем осознала это. Ритм — чуть неровный, с акцентом на левую ногу, будто человек чуть прихрамывает или просто привык ходить вразвалочку. Шаги остановились. Потом — тишина. И в этой тишине Ася спиной почувствовала взгляд.

— О, — сказал голос у неё за плечом. — Соседка!

Она медленно, очень медленно обернулась.

Парень-барабанщик стоял в дверях булочной, засунув руки в карманы джинсовой куртки, и смотрел на неё с таким выражением, будто нашёл под ёлкой подарок, который не просил. На нём была всё та же чёрная футболка, что и вчера (он что, не переодевается?), волосы влажные от дождя, под глазами — синяки. Видимо, опять репетиция затяну-

лась. Хотя ночью в его квартире было тихо.

— Может, ему тоже не спалось?

— Доброе утро, — сказала Ася ледяным тоном, который должен был означать: «Я не хочу с тобой разговаривать, сделай вид, что мы не знакомы».

— Доброе, — кивнул он. — Не знал, что ты тут завтракаешь.

— Я тут не завтракаю. Я тут покупаю кофе.

— Это и есть завтрак.

— Это кофе.

— Кофе — это завтрак для тех, кто ненавидит себя и всё живое.

Ася открыла рот, чтобы ответить что-то резкое, но продавщица подала голос из-за прилавка:

— Молодой человек, вы будете заказывать или философствовать? Тут вообще-то очередь.

Очереди за спиной Матвея не было, но продавщица, Тамара Ильинична, не любила, когда в её заведении задерживались дольше, чем нужно. Матвей сделал шаг к прилавку и заказал первое, что попало на глаза: эспрессо и два круасана.

— Два? — уточнила Тамара Ильинична.

— Два. Я голодный.

Ася взяла свой американо и уже направилась к двери, когда Матвей окликнул её:

— Подожди.

Она замерла. Обернулась.

— Что?

Он стоял у прилавка и смотрел на неё. Не насмешливо — как вчера. Не с вызовом. Смотрел... изучающе. Будто пытался разглядеть что-то, чего не видел раньше.

— Я вчера слышал, как ты играла, — сказал он.

Ася моргнула.

— Что?

— Ночью. Ты играла. Что-то в ми-миноре, кажется. Не закончила. Это твоё?

В булочной вдруг стало очень тихо. Тамара Ильинична перестала греметь чашками. Дождь за окном, казалось, притих. Ася чувствовала, как внутри что-то сжимается — то ли страх, то ли злость, то ли странное, неуместное тепло от того, что кто-то заметил.

Кто-то, кто разбирается в тональностях.

— Ты ошибся, — сказала она. — Я не играла. Ты, наверное, слышал радио.

— У тебя в окне радио не играет. И классику по радио в час ночи не передают.

— Откуда ты знаешь, что у меня в окне?

Матвей усмехнулся.

— Три метра воздуха. Никакой приватности. Помнишь?

Ася сжала стаканчик с кофе. Горячий картон обжёг пальцы, но она не разжала руку. Ей нужно было что-то сказать — что-то, что поставит его на место, что вернёт границу между

ними, которую он только что пересёк.

— Ты подслушивал, — сказала она.

— Трудно не подслушивать, когда ты играешь с открытым окном.

— Окно было закрыто.

— Значит, у тебя плохая звукоизоляция.

Они стояли друг напротив друга — она у двери, он у прилавка. Между ними — три шага и целая пропасть из неловкости, раздражения и чего-то ещё, чему Ася отказывалась давать имя.

— Твой заказ, — сказала Тамара Ильинична, нарушая тишину. — Два круассана, эспрессо. Пятьсот семьдесят рублей.

Матвей полез в карман за кошельком. Ася воспользовалась паузой, чтобы сбежать — дёрнула ручку двери, шагнула под дождь и чуть не поскользнулась на мокром крыльце.

— Эй!

Он догнал её на улице. Без куртки, с дурацким бумажным пакетом в одной руке и стаканчиком в другой.

— Ты забыла булочку.

Ася уставилась на него.

— Что?

— Булочку. С корицей. Ты заплатила и оставила на прилавке.

Он протянул ей пакет. С кончика его носа капала вода, волосы окончательно промокли, но он, кажется, этого не за-

мечал. Смотрел на неё и ждал.

Она взяла пакет. Их пальцы соприкоснулись — на секунду, не дольше. У него были тёплые руки. Очень тёплые для такого холодного утра.

— Спасибо, — сказала Ася.

— Пожалуйста.

Он не уходил. Стоял под дождём и смотрел на неё.

— Это была «Элегия», — сказал он вдруг. — Ну, начало.

Рахманинов. А потом — твоё. Я узнал.

Ася замерла.

— Ты ошибся, — повторила она. Но голос дрогнул.

— Я не ошибся. У меня слух хороший. Ну, полтора слуха.

Она не знала, что ответить. Не знала, как реагировать на то, что кто-то — чужой, посторонний, шумный сосед, которого она ненавидит всей душой, — слышал её. Не просто слышал, а узнал. Отделил Рахманинова от того, что было её собственным.

— Ты играешь лучше, чем думаешь, — сказал он. — Только не кидайся сыром. Я просто констатирую факт.

И ушёл.

Пересёк улицу под дождём, даже не пригибаясь, и скрылся в арке, ведущей во двор. Ася осталась стоять на крыльце с пакетом в одной руке и остывающим кофе в другой.

Булочка пахла корицей. Кофе пах кофе. Дождь пах осенью.

А она пахла — она вдруг поняла — его мокрой курткой.

Запах остался на пакете, на пальцах, в воздухе вокруг неё. Тёплый, чуть пряный, с нотками мужского парфюма и чего-то ещё — неуловимого, как ритм, который она до сих пор не могла поймать.

— Ну и пожалуйста, — сказала Ася в пустоту.

И пошла домой.

Дома она развернула пакет и обнаружила, что булочек две. Одна — та самая, с корицей. Вторая — круассан. Тот самый, который он взял себе.

К круассану была приклеена салфетка. На салфетке — корявая надпись шариковой ручкой, с летящими хвостами букв:

«Это не извинение. Просто ты забыла, а я не жадный.

Ми-минор — это круто. Допиши.

— Сосед»

Ася перечитала записку три раза. Потом села за пианино и открыла крышку.

Ми-минор.

Она положила пальцы на клавиши и заиграла — тихо, осторожно, будто пробуя мелодию заново. Левая рука сама нашла басовую линию. Правая повела тему — ту самую, ночную.

На этот раз она не сбилась.

Где-то на четвёртом такте к её мелодии добавился ритм. Тихий, едва слышный — пальцы по деревянной раме. Ася подняла голову и увидела его в окне напротив.

Он сидел на подоконнике и отбивал ритм. Улыбался - широко и дерзко, и смотрел на неё.

Ася не захлопнула крышку пианино, не задёрнула штору.

Она уставилась на клавиши и доиграла до конца.

Глава 7. Последняя капля

Иногда жизнь бьёт не кулаком, а сообщением в мессенджере. Коротким. Сухим. С точкой в конце, которая означает не конец предложения, а конец надежды.

«Стеклобой», к сожалению, не проходит в лонг-лист. Запись неровная по ритму. Пробуйте в следующем году».

Матвей прослушал голосовое, сидя на кровати. Перечитал расшифровку. Потом прочитал ещё раз — на этот раз вслух, как будто звук собственного голоса мог изменить смысл слов.

Не изменил.

Он отбросил телефон в сторону. Телефон приземлился на подушку — жалобно, беззвучно, словно извиняясь за то, что принёс плохие вести.

Было девять утра. За окном — серое, ватное небо. В висках стучало — последствия вчерашней репетиции и трёхчасового сна. Матвей потёр переносицу и попытался вспомнить, какое именно демо они отправили на фестиваль.

«Белый квадрат».

Это была та самая запись, которую они сводили две недели назад. Две недели — целая вечность. Тогда ещё стояла жара, и он не выспался, так как в семь утра его разбудил Марш Радецкого, который врубила в своем окне вредная девчонка-соседка.

Он помнил, как дрогнула - то ли от недосыпа, то ли от волнения - рука. Как палочка ударила не по малому барабану, а по ободу — получился деревянный, пустой звук, который испортил всю запись. Они тогда переписали трек трижды, но первый дубль всё равно остался самым живым, и Илья настоял: «Отправляем этот. В нём есть энергия».

Энергия была.

А еще были ритмическая ошибка и смазанный переход. Все из-за долбаного марша! Все из-за этой чертовой девчонки!

Матвей встал с кровати. Подошёл к окну, отдернул простыню.

В окне напротив горел свет. Она была там — сидела за пианино, в наушниках, и что-то записывала в нотную тетрадь. Волосы сегодня не пучком, а распущенные, падают на лицо. Одна прядь выбилась и щекочет нос, но она не замечает. Пишет. Стирает ластиком. Снова пишет.

Она выглядела... мирной. Уязвимой. Как человек, который не подозревает, что только что разрушил чью-то жизнь.

Дура! Дура!

Матвей смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает что-то горячее, тёмное, давно забытое. Не просто злость. Бешенство. То самое, которое он не испытывал с детства — с тех пор, как перестал драться в школе из-за того, что его дразнили “глухарём”.

Она ведь даже не знает. Она сидит там, в своём уютном

мирке, и понятия не имеет, что её утренняя месть стоила им целого фестиваля! Что «Стеклобой» не попадает в лонг-лист из-за ее прихоти. Что Илья сейчас, наверное, читает то же сообщение и думает: «Надо было брать другого барабанщика».

Черт!

Черт!

Черт!

Матвей рывком открыл окно. Холодный сентябрьский воздух ударил в лицо. Пахло дождём, мокрой листвой и чем-то ещё — кажется, горелым маслом из чьей-то форточки. Он высунулся наружу и крикнул:

— Эй!

Она не услышала. Наушники.

— Эй, соседка! — крикнул он громче.

Ноль реакции. Она продолжала писать — медленно, сосредоточенно, покусывая колпачок ручки.

Матвей огляделся. На подоконнике лежал маркер — чёрный, перманентный, которым он подписывал коробки при переезде. Он схватил его и, не думая, что делает, наклонился вперёд.

Расстояние между их окнами было около трёх метров. Близо, но не дотянуться.

Тогда он написал на своём стекле. Крупно. Печатными буквами. В зеркальном отражении, чтобы она прочитала: «ТЫ МНЕ ВСЁ ПОХЕРИЛА!!!»

Буквы получились кривыми, последняя «А» сползла вниз, но смысл был ясен. Матвей отступил на шаг и стал ждать.

Она не замечала. Слишком увлеклась своей тетрадью.

Он постучал костяшками по раме — три удара, как в дверь.

И вдруг она подняла голову.

Сначала посмотрела на него — просто посмотрела, без выражения. Потом перевела взгляд на стекло. Прочитала. Моргнула удивленно.

Сняла наушники.

— Что? — спросила она одними губами. Окно было закрыто, но он понял.

— Ты! — крикнул Матвей, показывая пальцем сначала на неё, потом на надпись. — Всё! Похе-ри-ла!

Она встала из-за пианино. Подошла к окну. Открыла створку. Холодный воздух ворвался в её комнату, качнул занавеску, сдул со стола какие-то бумаги. Она не обратила внимания.

— Что я похе-ри-ла? — спросила она ледяным тоном.

— Фестиваль! — Матвей сам слышал, как жалко звучит его голос - срывающийся, хриплый, почти мальчишеский. — Наше демо завернули из-за того, что я сбился с ритма. А сбился я потому, что ты врубила свой идиотский марш в семь утра перед самой записью! Я, блин, не выспался! Из-за тебя!

Она открыла рот. Закрыла. Потом сказала:

— Откуда я могла знать, что в ты спишь?! Ты мне не до-

кладывал!

— А ты не думала, что люди вообще-то спят по утрам?!

— Ты не спал! Незадолго до этого ты играл на барабанах!

В то время, когда надо было спать мне!

— Это другое!

— Это то же самое!

Они кричали друг на друга через двор-колодец, и эхо разносило их голоса по всем этажам. Баба Зоя высунулась из своей каморки в подъезде. Карповы распахнули форточку на пятом этаже и выставили телефон — видимо, снимали. Собака во дворе залаяла с удвоенной силой.

Ася стояла у окна, вцепившись в подоконник. Глаза горели. Щёки покраснелись.

— Знаешь что? — сказала она, понизив голос до шёпота.

— Может, дело вовсе не во мне? Может, это ты — бездарь? Может, группа ваша никчемная?

Тишина.

Слова повисли в воздухе.

Матвей замер. Ему показалось, что он ослышался — в прямом смысле. Что левое ухо, его предательское левое ухо, снова подвело его, исказив слова.

Но он видел её лицо. И понимал: она это сказала.

«Бездарь».

Та самая девушка, которая вчера ночью играла так, что у него перехватило дыхание. Которой он оставил круассан и записку «Ми-минор — это круто».

— Хорошо, — сказал Матвей тихо. — Хорошо, соседка.

Он закрыл окно. Медленно, не отводя от неё взгляда. Так медленно, что створка даже не скрипнула.

Потом он взял тряпку, стер надпись на окне, оставив на стекле черные разводы от маркера — так, чтобы она больше не видела этих слов.

И задёрнул простыню.

В комнате стало темно. Темно и очень, очень тихо — только писк в левом ухе, монотонный, как метроном, который никогда не останавливается.

Матвей сел на пол, привалившись спиной к батарее. Закрыл глаза.

«Бездарь».

Он слышал это слово раньше. Много раз. От учителей в музыкалке. От одноклассников. От отца, который говорил: «Барабаны — не профессия, сынок. Учись, чтобы потом найти нормальную работу». От Ильи, который говорил это взглядом, но никогда — вслух.

А теперь — от неё.

От девушки, которая понятия не имеет, что он наполовину глухой. Что его ритм — это всё, что у него есть. Что без ритма он — никто.

Матвей сжал кулаки и тихо, почти беззвучно, ударил затылком по батарее. Раз. Другой.

Боль отрезвила.

Он открыл глаза, достал телефон и написал Илье:

«Я понял про фестиваль. Это моя вина. Дай мне шанс исправить».

Ответ пришёл через минуту:

«Концерт в Икре“ через три недели. Не облажайся».

Матвей кивнул сам себе и отложил телефон.

В окне напротив всё ещё горел свет.

Она стояла там — он чувствовал это. Не видел сквозь простыню и синюю штору, но знал: она там. Стоит и смотрит.

И, кажется, не уходит.

Глава 8. Роковая простыня

Ася не спала всю ночь. Она лежала в темноте и смотрела в потолок, где трещина — её старая знакомая — сегодня казалась глубже обычного, будто дом тоже устал от этой войны. В голове крутилось одно слово. Одно-единственное, и оно жгло, как клеймо.

БЕЗДАРЬ.

Зачем она это сказала ему? Зачем, зачем, зачем?

Она ведь не знала про фестиваль. Не знала про демо. Не знала про запись. Но разве это оправдание? Разве можно бросаться такими словами, даже если ты очень зла? Даже если он сам начал первым со своей дурацкой надписью на стекле?

«Ты мне всё похерила».

Тоже мне, Шекспир! Сколько драмы в четырех словах!

Ася перевернулась на бок. Одеяло сбилось в комок. Подушка была горячей с одной стороны и холодной с другой. Она перевернула подушку. Не помогло.

В два часа ночи она встала и пошла на кухню. Налила воды. Выпила стоя, глядя в тёмное окно.

В его окне света не было.

Она знала, что он там. Знала, что ему тоже не спится. Знала — и от этого было только хуже.

Потому что он был прав.

И она была неправа.

И всё, что она хотела сейчас, — это повернуть время вспять, на двадцать четыре часа назад, когда они стояли в булочной, и он сказал: «Ты играешь лучше, чем думаешь». Когда он отдал ей свой круассан и написал на салфетке «Минор — это круто». Когда она сидела за пианино и играла, а он отбивал ритм по колену, и они — впервые — не воевали.

Почему всё всегда портится? Почему любой мост, который она пытается построить, рушится раньше, чем по нему кто-то пройдёт?

Она вспомнила отца.

Как он стоял в дверях с чемоданом. Как мама кричала. Как пианино молчало три года после этого. Как она сама запретила себе играть громко — чтобы не тревожить тишину, которая стала единственным надёжным взрослым в доме.

«Ты бездарь».

Отец говорил это маме. Не ей — маме. Но Ася запомнила. Запомнила и поклялась, что никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не скажет этих слов.

И вот — сказала.

Чужому человеку. Соседу. Барабанщику, который бесит её до скрежета в зубах, но всё же — он не заслужил.

В три часа ночи Ася приняла решение.

Она включила свет, достала из шкафа старую белую простыню и расстелила её на полу. Потом нашла в кладовке банку с чёрной краской, что осталась после ее недавнего ми-

ни-ремонта. И кисть. И маркер.

И начала рисовать.

Она не была художницей. Буквы получались неровными, краска капала на паркет, простыня морщилась и съезжала. Но она продолжала — сосредоточенно, мрачно, как человек, который знает, что делает непоправимую глупость, и всё равно не может остановиться.

К пяти утра плакат был готов.

Ася посмотрела на него, и внутри что-то оборвалось.

Это было... ужасно. По-настоящему, непростительно ужасно.

Но отступить было поздно. Она открыла окно, впусив в комнату холодный предрассветный воздух, и закрепила свое самодельное творение скотчем на внешней стороне стекла.

Буквами наружу.

Чтобы он увидел.

Потом закрыла окно, вымыла руки от краски и села ждать рассвета.

Утро началось с крика.

Не с того крика, который бывает в фильмах ужасов, — пронзительного, леденящего кровь. А с того, с которого начинаются дворовые скандалы: кто-то открыл окно, ахнул и заорал на весь дом-колодец.

— Вы это видели?! Господи, люди, вы это видели?!

Ася не выглядывала. Она сидела на кухне и пила кофе — уже третью кружку за утро, хотя руки уже дрожали и сердце

колотилось где-то в горле.

Она знала, что написано на плакате. Она сама это написала.

«СТЕКЛОБОЙ» — ЭТО НЕ МУЗЫКА. А БАРАБАНЩИК — БЕЗДАРЬ.

Чёрные буквы. Кривые, но разборчивые. На белой простыне. На всё окно.

Это было самое гнусное, самое жестокое, самое трусливое, что она когда-либо делала. Плакат не требовал ответа. Не предполагал диалога. Он был публичной казнью — вывешенный на всеобщее обозрение, чтобы видели Карповы с пятого, баба Зоя с первого, студенты из третьей квартиры и все, кто проходил через их двор-колодец.

Чтобы видел он.

— Дочка, — раздалось из-за двери. Баба Зоя, судя по голосу, стояла на лестничной клетке. — Дочка, ты это... зачем? Ася молчала.

— Он, конечно, громкий, но ты это... перебор, дочка. Перебор.

Шаги. Старческие, шаркающие. Баба Зоя, не получив ответа, спускалась обратно.

А потом раздался другой звук.

Окно напротив открылось.

Ася зажмурилась. Она не могла заставить себя посмотреть. Не сейчас. Не после всего.

Тишина. Долгая — секунд десять, пятнадцать, двадцать.

Она слышала только своё дыхание и отдалённый шум города, который не имел никакого отношения к этой войне. Потом — голос. Спокойный. Ровный. Без крика. Без эмоций. — Ну норм, красиво получилось. Видно, что старалась. Буквы почти ровные. Молодец. И окно закрылось. И всё!

Ни ругани. Ни угроз. Ни ответного плаката. Просто «ну норм, красиво получилось» — и тишина. Ася открыла глаза и посмотрела на свои руки. Они всё ещё пахли краской. Под ногтями — чёрная каёмка. Она вдруг поняла, что плачет.

Слезы текли по щекам и капали в кружку с недопитым кофе. Она не вытирала их. Она смотрела сквозь стекло на плакат — своё чудовищное, позорное творение — и думала: «Что я наделала? Что я, чёрт возьми, наделала? Зачем?» В окне напротив задёрнулась простыня.

И свет погас.

Через час, когда Ася, умывшись и кое-как приведя себя в порядок, выглянула во двор, простыня с надписью всё ещё висела. Она хотела ее снять — но не могла заставить себя подойти к окну. Потому что за простыней напротив кто-то был. Она видела тень. Видела, как он сидит на подоконнике — неподвижно, как статуя. И ждёт. Чего — она не знала. Но знала: рано или поздно придётся ответить за каждое слово.

Глава 9. И снова сыр

Матвей продержался ровно сорок восемь часов.

Сорок восемь часов он не играл на барабанах. Не включал музыку. Не подходил к окну, когда в её окне горел свет. Не отвечал на её взгляды — а он чувствовал их спиной, затылком, тем самым местом под левой ключицей, где жил его внутренний метроном.

Сорок восемь часов он делал вид, что плаката-простыни не существует.

Хотя плакат, конечно, существовал. Висел в её окне — белая простыня с кривыми чёрными буквами. Колеблющийся от сквозняка вызов.

«СТЕКЛОБОЙ» — ЭТО НЕ МУЗЫКА. А БАРАБАНЩИК — БЕЗДАРЬ.

Потом она его сняла — ночью, тайком, думая, что никто не видит. Матвей видел. Он сидел в темноте и смотрел, как она отдирает скотч, как комкает простыню, как трёт стекло тряпкой, стирая следы. Она плакала — он не слышал, но догадался по тому, как вздрагивали плечи.

И всё равно ничего не сказал.

На второй день к Матвею заявился Илья. Без предупреждения, без звонка — просто возник на пороге с пакетом пива и лицом человека, который пришёл не утешать, а проводить ревизию.

— Ну, — сказал он, оглядывая квартиру. — Рассказывай.

— Что показывать?

— Как ты до такого докатился. Баба Зоя сказала, у тебя война с соседкой. Плакаты, сыр какой-то, крики на весь подъезд и всё такое. Я думал, она преувеличивает, а ты, блин, реально влез в мелодраму!

Матвей молча открыл пиво.

Они сидели на кухне, и Илья говорил — про группу, про «Икру», про новый материал, который надо готовить. Матвей кивал, но мысли его были не здесь. Они были в окне напротив, где сейчас горел свет и кто-то тихо, почти неслышно, наигрывал гаммы.

— Мэт! Ты вообще меня слушаешь?

— Слушаю, конечно. «Икра». Новый материал. Я не лажаю.

— Ты лажаешь прямо сейчас, — Илья поставил бутылку на стол. — Ты витаешь в облаках. Или в окнах. Я уж не знаю, что у вас там происходит с этой девчонкой, но... Мэт, она написала, что ты бездарь. Публично. Это не флирт. Это отстой!

— Я знаю.

— И что ты собираешься делать?

Матвей посмотрел в окно. Гаммы стихли. Свет ещё горел.

— Я собираюсь ответить, — сказал он. — Но не так, как она ждёт.

Илья ушёл в десятом часу, оставив после себя четыре пустых бутылки и стойкое ощущение тревоги. Матвей прово-

дил его до двери, потом вернулся на кухню, открыл ноутбук и начал искать. Интернет знал всё.

Через полчаса он уже сидел в чате с консультантом сырной лавки «Благородная плесень» и выяснял, какой сыр воняет сильнее всего.

— Мюнстер — это, конечно, классика, — писал консультант, — но если вы хотите чего-то действительно... запоминающегося, берите лимбургер. Его даже в холодильнике нельзя хранить без герметичного контейнера. Запах — на грани допустимого.

— Беру, — написал Матвей. — Доставка завтра, с утра. И открытку можно?

— Какой текст?

Матвей подумал. Усмехнулся. Набрал:

«Твоему характеру под стать. Приятного аппетита! сосед».

И оплатил заказ. Деньги были последние, но для такого дела не жалко! Завтра он выйдет на ночную смену грузчиком, на жизнь хватит.

На следующее утро курьер приехал ровно в девять. Матвей встретил его у подъезда, расписался в накладной и лично отнёс коробку на третий этаж — к двери квартиры номер двенадцать.

Поставил на пол. Позвонил. И быстро, как мальчишка, сбегал на этаж ниже, перепрыгивая через ступеньки.

Дверь открылась.

Тишина.

Потом — женский голос:

— Что за...

Тишина снова. На этот раз — дольше.

Потом — она чихнула. Громко, заливисто, с подвыванием, как чихают люди, которым в нос попал запах, слишком сильный для человеческих рецепторов.

Матвей прижался спиной к стене и зажал рот ладонью.

— Ты серьёзно?! — крикнула она, будто зная заранее, что он все слышит, — Сыр?

— Наслаждайся! — ответил Матвей.

Пауза. И вдруг — смех.

Короткий. Удивлённый. Будто она сама не ожидала, что ещё способна смеяться после всего, что между ними произошло.

— Ладно, — донеслось с этажа выше. — Удивил, признаю!

Матвей замер.

— Что?

— Счет, говорю, снова равный, — сказала она, и по ее голосу было понятно, что она улыбается.

— Я больше не играю в эту игру, — ответил Матвей после непродолжительного молчания.

Она тоже помолчала, будто не зная, что сказать.

— Ладно, — голос ее прозвучал хрипло и как будто взволнованно.

Она еще немного потопталась у своей двери, а потом вошла в квартиру. Из-за закрытой двери Матвей услышал ее голос:

— Но сыр я съем. Назло тебе!

Шаги. Она ушла.

Матвей выдохнул и сполз по двери на пол. Сердце колотилось где-то в горле. Во рту было сухо. Он вдруг понял, что улыбается — глупо, по-идиотски, как пацан, который только что дёрнул за косичку самую красивую девочку в классе и остался жив.

Вечером он нашёл на своём подоконнике пакетик берушей. Новых, в заводской упаковке. И записку.

«Лимбургер был лишним, но я его съем. А беруши — это извинение. Не за слова. За то, что не знала про фестиваль.

P.S. Сними уже эту дурацкую простыню и повесь нормальные шторы!

Соседка»

Матвей перечитал записку три раза.

Потом придвинул к окну стул и снял простыню.

Глава 10. "Стеклобой без ритма"

Репетиционная точка «Стеклобой» находилась в подвале бывшего НИИ на Васильевском острове. Место было мрачное, с вечно текущими трубами, запахом плесени и облупившейся штукатуркой, но зато звукоизоляция — подарок советских инженеров — позволяла играть хоть в три часа ночи, не тревожа ни единой души.

Матвей любил этот подвал. Здесь он чувствовал себя в безопасности — в коконе из бетона и рок-н-ролла, где его глухота не имела значения, потому что музыка шла не через уши, а через пол, стены, корпус барабанов, вибрацию воздуха.

Сегодня подвал не помогал.

Они репетировали уже третий час. До концерта в «Икре» оставалось меньше трёх недель. Программа была сырой, нервной, и каждая песня давалась с таким скрипом, будто они не играли вместе три года, а собрались впервые.

— Стоп, — сказал Илья и выключил бас. — Стоп, стоп, стоп.

Матвей ударил по тарелке по инерции и замер. Палочка зависла в воздухе.

— Что?

— Ты опять плывёшь, Мэт!

— Я не плыву.

— Плывёшь. Второй припев, переход на бридж. Ты опаздываешь на восьмую. Каждый раз.

Матвей вытер пот со лба. Футболка прилипла к спине. В висках стучало.

— Я не слышу, что я опаздываю.

— Вот именно, — Илья положил бас-гитару на стойку и скрестил руки на груди. — Ты не слышишь.

Повисла тишина. Та самая — густая, вязкая, которую Матвей ненавидел больше всего. Она вползала в левое ухо и звенела там, как комариный писк на одной ноте. Он стиснул палочки.

— Давай ещё раз, — сказал он.

— Мэт...

— Я сказал: давай ещё раз.

Лёха-гитарист переглянулся с Ильёй, но ничего не сказал. Просто закурил у колонки и выпустил дым в низкий потолок. Илья вздохнул и снова взял бас.

Они сыграли с начала.

Матвей сосредоточился так, как не сосредотачивался никогда. Он не слушал — он смотрел. На руки Лёхи, берущие аккорды. На пальцы Ильи, скользящие по грифу. На ритм, который жил в их движениях, даже когда уши отказывались его улавливать.

Вступление. Куплет. Припев. Переход на бридж.

Он вошёл точно.

Илья кивнул, не переставая играть. Лёха ухмыльнулся

краем рта. Матвей почувствовал, как отпускает — медленно, по миллиметру, как разжимается пружина, которую крутили слишком долго.

А потом он услышал её.

Не в прямом смысле. Её не было в подвале — она сидела дома, в двадцати километрах отсюда, и, наверное, пила свой кофе и записывала свою тишину. Но он услышал её — ту самую мелодию, ми-минор, ночную, незаконченную.

Она зазвучала в голове, как назойливый рингтон. Сбила внутренний метроном. Сместила акценты.

Чёрт!

Матвей ударил не по тому барабану.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!!!

Фальшивая нота — резкая, деревянная — разрежала песню, как нож. Илья остановился. Лёха сбился с ритма и чертыхнулся.

— Всё, — сказал Илья тихо.

— Да погоди, я...

— Я сказал: всё. Надоело!

Илья положил бас. На этот раз — не на стойку. На пол. Аккуратно, как кладут оружие после битвы. Потом выпрямился и посмотрел на Матвея. И в этом взгляде было что-то, чего Матвей не видел раньше. Не злость. Не усталость.

Жалость.

— Мэт, — сказал Илья. — Мы теряем залы.

— О чем ты?

Жалость в глазах Ильи как будто стала еще ярче.

— Мы теряем залы, потому что ты теряешь ритм. А без ритма мы не группа. Мы просто три парня, которые громко шумят.

Матвей яростно сжал кулаки.

— Это несправедливо.

— Но это правда. — Илья провёл ладонью по лицу. — Я молчал месяц. Я думал, ты соберёшься. Но ты не собираешься. Ты... ты где-то не здесь, Мэт. Ты всё время где-то не здесь.

Матвей хотел возразить. Правда хотел. Но слова застряли в горле, как рыбья кость.

Потому что Илья был прав.

Он действительно был не здесь. Он был там — в трёх метрах от собственного окна, где девушка с диктофоном плакала над пианино и писала записки на простыне. Где война, которая началась с «Марша Радецкого», вдруг превратилась во что-то другое — что-то, чему он пока не знал названия.

— Я не могу без ритма, без нашей группы, — сказал Матвей глухо. — Ты же знаешь. Я без этого всего — никто.

— Я знаю. — Илья посмотрел ему в глаза. — Поэтому я и говорю: разберись. С собой. С ней. С тем, что у тебя в голове. Реши, блин, свои проблемы. А потом возвращайся.

— Илья...

— «Икра» через три недели. Если не соберёшься — мы выходим без тебя. Это не ультиматум. Это факт.

Илья поднял бас с пола, закинул на плечо и пошёл к выходу. Лёха потушил сигарету о подошву, хлопнул Матвея по плечу — то ли в знак поддержки, то ли прощаясь, — и вышел следом.

Дверь захлопнулась.

Матвей остался один.

В подвале было тихо. Только вода капала где-то в углу — размеренно, с интервалом в две секунды. Кап. Кап. Кап. Как метроном, который отсчитывает время, оставшееся до конца.

Он сидел за установкой и смотрел на свои руки. На палочки, которые держал с шести лет. На татуировку на запястье — ритмический рисунок, который он набил в восемнадцать, когда впервые вышел на сцену.

«Бездарь».

Её слово. Её голос. До сих пор звенит в голове.

Но сегодня он понял: дело не в ней. Не в плакате. Не в фестивале. Дело в нём самом. В том, что он перестал слышать ритм. Не ушами — сердцем.

И виновата в этом не соседка из двенадцатой квартиры.

Виновата мелодия, которую он не может забыть.

Матвей встал. Собрал палочки в рюкзак. Накинул куртку и вышел из подвала.

На улице шёл дождь. Мелкий, сентябрьский, почти невидимый — но холодный, пробирающий до костей. Матвей поднял воротник и пошёл пешком. До дома было час ходьбы.

В наушниках играла она.

Та самая запись с диктофона — ночная, ми-минорная, сбивчивая. Та, которую он сделал на слух, пока она плакала и не знала, что её слушают. Он прокрутил её раз, другой, третий.

И вдруг понял.

Мелодия была не закончена не потому, что она не знала, чем продолжить.

Она была не закончена, потому что в ней не хватало ритма.

Его ритма.

Матвей остановился посреди улицы. Дождь стекал по лицу, капал за шиворот, но он не замечал. Он стоял и смотрел в серое небо, и в голове его — впервые за много дней — всё сошлось.

— Чёрт, — сказал он вслух. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Прохожие оборачивались. Кто-то покрутил пальцем у виска. Матвей не обратил внимания.

Он сначала прибавил темп, а потом бегом побежал домой.

Ему нужно было кое-что сказать.

Кое-кому.

Глава 11. Первый дуэт

Тишина больше не помогала.

Раньше она была союзником. Убежищем. Прозрачным коконом, внутри которого можно было дышать ровно и думать ясно. Ася садилась за пианино, закрывала глаза, и музыка приходила сама — как вода, которая находит трещину в камне.

Теперь в тишине звучал он.

Не его голос. Не его барабаны. А что-то более глубокое, встроенное в неё, как вирус. Ритм. Его ритм. Тот самый, который она впервые услышала сквозь стену много дней назад и с тех пор не могла вытравить.

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Он звучал в голове, когда она чистила зубы. Когда варила кофе. Когда листала ноты. Когда ложилась спать и смотрела в потолок, где трещина — предательница — сегодня напоминала барабанную палочку.

Ася открыла крышку пианино. Положила пальцы на клавиши. Ми-минор. Она знала эту тональность, как собственную ладонь, — каждый изгиб, каждую тень.

Она начала играть.

Та самая мелодия. Ночная. Незаконченная. Правая рука повела тему — грустную, вопросительную, будто она спрашивала о чём-то, на что нет ответа. Левая вступила позже —

басовая линия, простая, но настойчивая, как сердцебиение.

Всё шло хорошо. Лучше, чем вчера. Лучше, чем когда-либо. Она чувствовала, как музыка течёт сквозь неё, — и это было почти счастье, почти забытое ощущение полёта.

А потом он вступил.

В голове. Не за стеной. Не в окне. У неё в голове!

Бум. Бум. Бум-бум-бум.

Его ритм врезался в её мелодию, сбил темп, сместил акценты. Её пальцы дрогнули. Правая рука взяла не ту ноту. Левая опоздала на долю секунды. Мелодия рассыпалась, как карточный домик.

Ася ударила по клавишам. Получился резкий, злой аккорд — диссонанс, от которого зазвенело в ушах.

— Да кто ты такой?! — крикнула она в пустоту. — Что ты со мной делаешь?!

Пустота молчала.

Ася сгорбилась на стуле. Закрыла лицо руками. Пальцы пахли кофе и старыми клавишами — запах детства, запах музыкальной школы, куда она ходила с шести лет, запах мамы, которая сидела рядом и переворачивала ноты.

Мама не сидит рядом очень давно. Ноты больше не пахнут домом. Всё, что осталось, — эта мелодия, которую она не может дописать, и сосед напротив, чей ритм звучит в ней громче, чем она сама.

— Ненавижу, — прошептала Ася. — Ненавижу тебя. Ненавижу твой ритм. Ненавижу...

Она не договорила.

Потому что в окне напротив зажётся свет.

Ася подняла голову. За шторой — он всё-таки повесил нормальные шторы? — двигался силуэт. Широкие плечи. Взлохмаченные волосы. Он ходил по комнате — туда-сюда, туда-сюда, как зверь в клетке. Потом остановился у окна.

Ася не отшатнулась. Не задёрнула свою штору. Она знала, что он увидит её. Заплаканную. Растрёпанную. С красными глазами и дрожащими пальцами, которые всё ещё лежат на клавишах.

Так и случилось.

Матвей резким движением отдернул свою штору и уставился на Асю.

Он не улыбнулся. Не помахал рукой. Не написал маркером на стекле очередную гадость.

Он просто стоял и смотрел.

А потом — медленно, почти незаметно — покачал головой. Не осуждающе. Не насмешливо. Печально.

И задёрнул штору.

Свет погас.

Ася осталась одна.

Время перевалило за полночь, когда она снова села за пианино.

Не потому, что хотела играть. Она никогда не играла так поздно, но сегодня ей было не до сна - мелодия распирала её изнутри, как вода — плотину. Она должна была выйти

наружу, или Ася просто взорвалась бы.

Она нежно погладила старые клавиши и начала с начала.

Ми-минор. Правая рука ведёт тему. Левая вступает позже. Темп — медленный, почти погребальный. Она играла и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Не от грусти. От бессилия.

Потому что мелодия всё ещё была не закончена.

И она не знала, чем её закончить.

Не знала, пока...

...пока в паузу между аккордами не вступил он.

Не в голове. Не в воображении. По-настоящему.

Тихий, едва слышный звук — из его окна. Он дублировал её басовую линию и добавлял то, чего ей не хватало: ритм. Мягкий, почти шёпотом. Не барабаны — что-то другое. Может быть, просто пальцы по корпусу инструмента.

Ася напряглась.

Он продолжал играть. Не навязываясь. Не перебивая. Он вступал ровно в те паузы, которые она оставляла, — как человек, который не пытается украсть твой голос, а просто подпевает.

Она продолжила.

Мелодия потекла иначе — свободнее, увереннее. Теперь она знала, куда идти. Знала, чем закончить фразу. Знала, что после этого минора будет мажор — неожиданный, светлый, как солнце после дождя.

Они играли вместе.

Невероятно, но это было так!

Не видя друг друга. Не говоря ни слова. Только звук — её пианино и его ритмичные постукивания, три метра воздуха между их окнами, ночь, тишина, которая больше не была пустой.

Ася доиграла до конца.

Последний аккорд повис в воздухе и растаял.

В окне напротив стало тихо.

Она встала из-за пианино, подошла к окну и отдёрнула штору. В его окне горел свет. Он стоял у подоконника и смотрел на неё.

И улыбался.

Не нагло. Не вызывающе. Просто радостно.

Ася подняла руку и прижала ладонь к стеклу. Он — зеркально — сделал то же самое.

Три метра воздуха. Два оконных стекла. Одна мелодия.

И ни одного слова.

Глава 12. Утренний сюрприз

Ася проснулась в десять утра — позже обычного. Пары сегодня отменили - преподаватель заболел. Солнце уже всю заливало комнату, пробиваясь сквозь синюю штору и рисуя на паркете золотые полосы. В такое утро полагалось чувствовать себя отдохнувшей и счастливой.

Ася же чувствовала себя так, будто её переехал грузовик. Глаза опухли. Голова гудела. Во рту был привкус вчерашнего кофе и чего-то ещё — смутного, как воспоминание о сне, который не можешь пересказать. Она села на кровати и потёрла виски.

А потом вспомнила.

Ночь. Мелодия. Его ритм.

Их дуэт

Внутри что-то завибрировало, взметнулось бабочкой вверх - к горлу, не давай нормально вдохнуть.

Ася замерла с рукой у виска. Это было... что? Сон? Галлюцинация? Она действительно играла, а он — он действительно вступал в паузы, заполняя тишину ритмом, которого ей не хватало?

Может, ей всё приснилось? Как-то все нереально!

Ася отбросила одеяло и подошла к окну. Штора была задёрнута. Она помнила, как задёргивала её перед сном. Помнила, как стояла у окна, прижав ладонь к стеклу. Помнила,

как он — зеркально — прижал свою.

Не приснилось.

Она выглянула во двор. Его окно было закрыто. За стеклом — никакого движения. То ли спал, то ли уже ушёл.

Ася вздохнула и пошла на кухню. Кофе. Срочно. Все вопросы — после кофе.

Она уже насыпала молотые зёрна в турку, когда в дверь позвонили. Звонок был короткий — один раз, без настойчивости. Так звонят не курьеры и не соседи с претензиями. Так звонят люди, которые не уверены, что им откроют.

Ася вытерла руки о полотенце и подошла к двери. Посмотрела в глазок.

Никого.

— Кто там? — спросила она.

Тишина.

Она помедлила. Потом отперла замок и приоткрыла дверь — на цепочку.

На коврике лежал свёрток.

Не коробка. Не пакет с сыром. А что-то мягкое, завернутое в крафтовую бумагу, перевязанное бечёвкой. Сверху — сложенный вдвое листок.

Ася сняла цепочку, подняла свёрток и оглядела лестничную клетку. Никого. Только где-то наверху хлопнула дверь и раздались шаги Карпова-старшего, который каждое утро выходил на пробежку.

Она вернулась в квартиру. Положила свёрток на кухонный

стол. Развернула бумагу.

Внутри были наушники.

Те самые. Её старенькие наушники с шумоподавлением, которые она потеряла две недели назад и уже мысленно похоронила. Она обыскала всю квартиру, сумку, аудиторию в консерватории — бесполезно. Решила, что выронила на улице.

И вот они лежали перед ней — целехонькие, аккуратно сложенные, даже провод был бережно смотан и закреплён маленькой чёрной резинкой.

Ася взяла их в руки. Провод пах чем-то чужим — не её духами, не кофе, чем-то тёплым, с нотками стирального порошка и ещё — едва уловимо — бензина от мопеда.

Она развернула листок.

Почерк был тот же, что и на салфетке из булочной. Летящие буквы. Чёрная ручка. Слова, написанные так, будто автор торопился или боялся, что передумает.

«Наушники были у меня. Нашёл на лестнице в тот день, когда ты забыла булочку. Хотел отдать раньше, но ты объявила войну, и я решил: пусть побудут у меня. Как трофей.»

Вчера ты играла. И я играл. И это было... в общем, ты поняла.

Наушники больше не нужны. Ты слышишь тишину лучше, чем кто-либо из тех, кого я знаю. Но если вдруг захочешь послушать что-то громкое — у меня есть плейлист.

Сосед»

Ася прочитала записку три раза. Потом ещё раз — медленно, по словам, будто переводила с иностранного.

Она фыркнула. Закрыла рот ладонью. Фыркнула снова — и вдруг расхохоталась. Смех вырвался откуда-то из живота — неконтролируемый, почти истерический, как у человека, который слишком долго держал себя в руках и наконец отпустил.

Она смеялась и плакала одновременно. Сидела на кухне в мятой пижаме, сжимая в одной руке наушники, а в другой — записку, и чувствовала, как внутри что-то отпускает.

Не просто прощение. Что-то большее.

Надежда.

Она надела наушники. Включила первый попавшийся трек в телефоне. Музыка заиграла — чисто, глубоко, без единого шума извне. Тишина внутри звука. Звук внутри тишины.

Ася закрыла глаза. И впервые за долгое время улыбнулась — не кому-то, не для кого-то, а просто так.

Себе.

Ему.

Этой дурацкой войне, которая, кажется, только что закончилась.

Кофе она допивала у окна. Штора была отдернута. Окно — приоткрыто. В комнату вливался запах осени, мокрой листвы и отдалённого дыма — где-то жгли опавшие ветки.

В окне напротив появился он.

Без футболки. С мокрыми после душа волосами. С кружкой в руке — такой же синей, как у неё. Он подошёл к подоконнику, увидел её и замер.

Ася подняла кружку — молчаливый тост. Он — зеркально — сделал то же самое. Они стояли и пили кофе. Каждый у своего окна. Три метра воздуха между ними. И ни одного слова.

Но в этот раз тишина была общей.

Глава 13. Визуальный контакт

Они встретились через два дня.

Ася спускалась за почтой — баба Зоя сказала, что пришло заказное письмо из консерватории, и Ася уже третий день представляла себе самое худшее: отчисление, выговор от Когана, повестка на пересдачу. Матвей возвращался со смены. Он поднимался по лестнице, держа в одной руке пакет с мандаринами, в другой — чехол с барабанными палочками.

Она шагнула на лестничную клетку второго этажа. Он шагнул на ту же клетку снизу.

И оба замерли.

Это был первый раз, когда они встретились вот так — без предупреждения, без стекла между ними, без запланированной войны. Просто двое людей в старом доме-колодце, которым надо пройти мимо друг друга, чтобы попасть туда, куда они шли.

Повисла пауза.

Ася заметила то, чего не видела раньше: у него на переносице был шрам — тонкий, почти незаметный, как старая царапина. И ресницы — светлые, выгоревшие, хотя осень уже давно съела лето. И ещё он был выше, чем казался из окна. Намного выше.

Матвей тоже заметил то, чего не видел раньше: она была без косметики, и это делало её моложе. Под глазами — си-

няки (спала так же плохо, как он). И она держала ключи в левой руке — сжимала их так, будто готовилась защищаться.

— Привет, — сказал он первым.

— Привет, — ответила она.

И снова тишина. Но не та, что раньше — не напряжённая, не звенящая. Просто тишина двух людей, которые не знают, что говорить теперь, когда их война закончилась.

— Я получил твою записку, — сказала Ася. — Ну, не записку. Наушники.

— Я понял. Ты их носишь.

— Откуда ты знаешь?

— Видел. В окно. Вчера ты в них сидела и что-то писала.

Потом сняла и начала играть.

Ася моргнула. Он видел. Он смотрел. Не подглядывал — именно смотрел. И она вдруг поняла, что её это не раздражает.

— Это были не мои наушники, — сказала она. — Ну, те, что ты нашёл.

— Что?

— Мои были другие. Эти — похожие, но не те. Ты нашёл чьи-то чужие наушники и отдал мне. И они подошли идеально.

Матвей уставился на неё. Потом — медленно, как человек, который только что осознал масштаб собственной глупости, — прижал ладонь к лицу.

— Я отдал тебе чужие наушники.

— Да.

— И написал записку.

— Да.

— И ты их носишь.

— Они удобные.

Он убрал ладонь от лица и посмотрел на неё. В глазах — смесь ужаса и восторга. Так смотрят на человека, который только что выиграл в лотерею, даже не покупая билета.

— Ты ещё более странная, чем я думал, — сказал он.

— Спасибо. Ты тоже.

Они улыбнулись. Одновременно. И это было так неожиданно — улыбаться друг другу не через стекло, а вживую, в пыльном подъезде, где пахло щами и старыми газетами, — что Ася вдруг почувствовала, как краснеет.

Она опустила глаза.

— Мне надо на почту, — сказала она.

— А мне надо... — он посмотрел на пакет с мандаринами, будто забыл, зачем их купил. — Мне тоже надо. Не на почту. Домой.

— Ну, ты почти пришёл.

— Почти.

Но они так и не двинулись с места. Стояли на лестничной клетке, разделённые тремя ступеньками, и смотрели друг на друга. Дольше секунды. Дольше, чем позволяли приличия. Дольше, чем должны были.

Где-то наверху хлопнула дверь. Карпов-старший, судя по

тяжёлым шагом, вышел на пробежку. Мир напомнил о себе, и они оба вздрогнули.

— Ладно, — сказала Ася. — Я пойду.

— Иди.

Она сделала шаг вниз. Он — вверх. Они разминулись на узкой лестнице, и на секунду — на одну короткую, обжигающую секунду — он оказался совсем близко. Она почувствовала запах мандаринов и бензина, и того самого стирального порошка, и ещё чего-то — тёплого, живого, его собственно-го.

— Матвей, — сказала она.

Он остановился.

— Что?

— Ты не бездарь. Конечно же, не бездарь, — сказала она тихо. — То, что я сделала Я не должна была. И я хочу, чтобы ты знал: я так не думаю.

Ася стояла спиной к нему и смотрела на облупившуюся краску на перилах.

— Я тоже так не думаю, — сказала он. — Про тебя. Ну, ты поняла.

— Поняла.

Ещё одна пауза. Короткая. Тёплая.

Матвей сделал несколько шагов по ступеням, но снова окликнул ее.

— Приходи вечером на крышу. В десять.

— Зачем? — удивленно спросила Ася.

В душе у нее что-то радостно задрожало от этих слов.

— У меня там установка. Запасная. И гирлянды. В общем, эклектика в чистом виде. И... я хочу тебе кое-что показать.

Ася обернулась. Он теперь был выше, но смотрел на неё без усмешки, без вызова — серьёзно, почти торжественно.

— Даже не знаю Что показать? — в голосе ее прозвучало недоверие, но уже тогда она знала точно, что пойдет, непременно пойдет на крышу сегодня вечером.

— Ритм, — сказал он. — Настоящий. Не тот, который ты слышишь из окна. Тот, который я чувствую. Я хочу, чтобы ты его тоже почувствовала.

Ася смотрела на него и думала: «Опасность. Это опасный человек. Сначала он воюет с тобой, а потом говорит о ритме так, будто предлагает тебе ключи от вселенной. Если я пойду — обратной дороги не будет».

— Хорошо, — сказала она. — В десять. Я приду.

И побежала по лестнице вниз, не оборачиваясь.

Глава 14. Территория барабанщика

Крыша оказалась совсем не такой, какой Ася ее себе представляла.

Она ожидала увидеть типичный питерский чердак — с голубиным помётом, ржавыми трубами и битым шифером, куда ходят курить подростки и где выясняют отношения подвыпившие соседи. Вместо этого, толкнув тяжёлую железную дверь, она шагнула в пространство, которое кто-то любовно превратил в свое тайное убежище.

По периметру тянулись гирлянды на солнечных батареях — те самые, что продаются в хозяйственных магазинах за триста рублей. Днём они заряжались, а сейчас, в вечерних сумерках, горели мягким жёлтым светом, как светлячки в банке.

У дальней стены, под навесом из прозрачного поликарбоната, стояла барабанная установка — не новая, с облупившейся краской на бас-бочке, но явно рабочая. Рядом — старый синтезатор на деревянных козлах, две автомобильные покрышки, заменяющие кресла, и ящик из-под апельсинов, на котором сиротливо стояли термос и две кружки.

Пахло дождём, металлом и чем-то ещё — кажется, ладаном. Или это просто ветер приносил с соседней крыши запах чьей-то коптильни.

— Я бы подумала, что здесь кто-то живет, — сказала Ася,

оглядывая всю эту обстановку.

Матвей, который шёл впереди, обернулся.

— Можно сказать, что я здесь обитаю. Но вообще-то это общая территория. Чердак же общий. Просто никто, кроме меня, сюда не поднимается. И хорошо.

— А ты не боишься высоты? — спросила Ася, боязливо заглядывая за край карниза.

Дыхание перехватило от открывшегося сверху вида.

— Нет, — ответил Матвей, — Я боюсь другого.

Он не уточнил, чего именно. Просто подошёл к ящику, налил из термоса чай, протянул кружку Асе. Она взяла — кружка была тёплой, с дурацкой надписью «Лучшему барабанщику».

— Это не моя, — сказал Матвей. — Это Илья подарил. До того, как...

Он осёкся. Ася сделала глоток, чтобы не задавать вопросов. Чай был чёрный, с бергамотом — её любимый. Она не стала спрашивать, откуда он знает.

— Ты сказал, что хочешь показать ритм, — напомнила она.

— Да. Садись.

Он кивнул на покрышки. Ася села — осторожно, потому что никогда раньше не сидела на автомобильных покрышках. Оказалось, это даже удобно.

Матвей сел за установку. Взял палочки. Покрутил одну между пальцами — привычным, машинальным жестом, ко-

торый Ася уже видела много раз, но теперь, вблизи, он казался почти гипнотическим.

— Ты когда-нибудь слушала музыку не ушами? — спросил он.

— В каком смысле?

— В прямом. Закрой глаза.

Она закрыла.

— Дай руку.

Она протянула руку — не глядя, наугад. Его пальцы — тёплые, сухие, с мозолями от палочек — легли на её запястье и положили ладонь на корпус малого барабана.

— Не убирай. Чувствуешь?

Он ударил. Не сильно, легко. Барабан отозвался коротким, сухим звуком, и Ася почувствовала вибрацию. Она прошла через её ладонь, через запястье — и растворилась где-то в локте.

— Это ритм, — сказал Матвей. — Настоящий. Тот, который слышит тело.

Он ударил снова — теперь по бас-бочке. Низкий, глубокий гул волной прошёл через пол, через покрывки, через её ноги.

— Я слышу, — прошептала Ася.

— Нет. Ты чувствуешь. Это другое.

Он начал играть — тихо, почти медитативно. Простой ритм: бас-бочка на первую долю, малый барабан на третью, хай-хэт — ровные восьмые, как сердцебиение. Ася сидела

с закрытыми глазами и чувствовала, как звук прорастает сквозь неё — не через уши, а через кончики пальцев, через ступни, через грудь.

Это было похоже на... она не могла подобрать слова. Как будто музыка стала воздухом. Как будто ритм всегда был внутри неё, просто она не знала, где искать. По телу пошли мурашки.

— Теперь открой глаза, — сказал он.

Она открыла.

Матвей сидел за установкой и смотрел на неё. В свете гирлянд его лицо казалось другим — мягче, моложе, без обычной насмешливой маски. Он не играл больше. Просто сидел и смотрел.

— Когда мне было четырнадцать, — сказал он, — я переболел менингитом. Врачи сказали: левое ухо, скорее всего, потеряет слух полностью. Я лежал в больнице и думал: всё кончено. Никакой музыки. Никаких барабанов. Конец.

— Но ты же играешь, — смутившись от такого откровения, сказала Ася.

— Играю. Потому что научился слышать по-другому. Вот этим. — Он прижал ладонь к груди, туда, где сердце. — И вот этим. — Он кивнул на руки. — И вот этим. — На барабаны. — Ритм не в ушах, Ася. Он в теле. Везде. Ты просто забыла его слушать.

Ася молчала. Ей вдруг стало стыдно — за «Марш Радецкого», за оперу в семь утра, за всё, что она делала, не зная

о нём ничего. Она открыла рот, чтобы сказать хоть какие-то слова извинения...

— Не надо, — остановил он. — Не извиняйся. Ты не знала. И я тоже вёл себя как мудака. Мы квиты.

— Мы не квиты. Ты потерял слух, а я...

— А ты потеряла тишину. И пыталась её вернуть. Я понимаю. Правда.

Он встал из-за установки. Подошёл к краю крыши и опёрся на перила. Ася подошла следом. Рядом с ним почему-то ей было не страшно смотреть вниз. Город лежал перед ними — море огней, разрезанное чёрной лентой канала. Где-то далеко гудела электричка, и ветер приносил запах воды.

— Прикинь, я ненавижу тебя, — сказал Матвей, не оборачиваясь.

— Меня? Почему?

— Потому что ты — тишина. А тишина для меня — это вот это. — Он показал на левое ухо. — Писк. Мерзкий комариный писк. Напоминание, что я неполноценный. Инвалид. И когда я тебя увидел с твоим диктофоном, я подумал: она коллекционирует то, что меня убивает.

Ася стояла рядом и смотрела на его профиль — острый, напряжённый, с этим шрамом на переносице, который теперь, в свете гирлянд, казался серебряным.

— А я ненавижу тебя, — сказала она. — Потому что ты — шум. А шум для меня — это отец. Как он кричал. Как хлопнул дверью. Как мама выбросила все пластинки, чтобы

не напоминало. Громкая музыка — это это когда рушится семья.

Матвей повернулся к ней. Теперь они стояли лицом к лицу, и между ними было расстояние вытянутой руки. Не три метра воздуха. Гораздо меньше.

— Мы с тобой оба сломанные, — сказал он.

— Получается, так, — выдохнула она.

— Но, может быть, сломанные части подходят друг к другу? Как в пазле.

— Мы не пазл. Мы скорее... диссонанс.

— Диссонанс тоже разрешается. В консонанс. Это ты как музыкант должна знать.

Ася улыбнулась — впервые за вечер.

— Теория? Ты учился музыке? — недоверчиво спросила она.

— Я в филармонию хожу, — со смехом признался он. — На галёрку. Тихо и тайно, чтобы меня никто не видел. Там хорошо думается.

— Ты? В филармонию?

Ася округлила глаза. Этот парень удивляет ее все сильнее!

— Ну да. А что, простым барабанщикам нельзя слушать симфонический оркестр?

Она рассмеялась. И он тоже. И смех этот разлетелся над крышей, над двором-колодцем, над городом — как музыка, которую наконец-то сыграли правильно.

— Давай сыграем? — спросил он.

— Что?

— То, что ты играла ночью. Ми-минор. Эту твою незаконченную вещицу.

— Она до сих пор не закончена.

— Знаю. Поэтому и предлагаю.

Ася помедлила. Потом кивнула.

Он сел, на этот раз - за синтезатор, а не за барабаны. Это тоже удивило Асю, но она промолчала, просто села рядом с ним, ощущая его близость, его запах, который ей, на удивление, вдруг показался давно знакомым, почти родным.

— С первой ноты? — спросил он.

— С первой.

И они заиграли.

Глава 15. Глухота

Они играли, наверное, час. Может, больше. Время на крыше текло иначе — не минутами, а тактами, переходами от минора к мажору, паузами, в которых помещалось больше, чем в словах. Сначала играли вместе, потом Матвей отсел, оставив Асю один на один с клавишами.

Она сидела на перевернутом ящике из-под апельсинов, подобрав ноги, и наигрывала на синтезаторе ту самую тему, которую никак не могла закончить. Матвей сидел напротив на автомобильной покрывке, отбивая ритм ладонями по коленям, — барабанные палочки он отложил, сказав, что сегодня хочет слышать её, а не себя.

— Здесь, — сказала Ася, останавливаясь на том самом месте, где мелодия всегда обрывалась. — Вот тут я не знаю, куда идти. Вроде должно быть разрешение, но...

— Но ты его не слышишь.

— Не слышу.

Матвей потянулся и взял наушники — те самые, с шумоподавлением, которые он нашёл на лестнице и которые, как выяснилось, были чужими.

— Можно?

— Зачем?

— Эксперимент.

Он надел наушники. Поправил их, чтобы сидели плотнее,

и кивнул ей:

— Продолжай. Я буду слушать.

— Ты же не услышишь, они с шумоподавлением.

— Я и так не слышу половину. Забыла?

Ася помедлила, потом заиграла. Сначала тихо, потом громче, забывая о том, что он её не слышит, забывая обо всём, кроме мелодии, которая наконец-то начинала дышать. Она дошла до того самого места — и снова остановилась.

Матвей сидел с закрытыми глазами. Наушники глушили звук почти полностью, но он всё равно качал головой в такт — не мелодии, а чему-то другому, что звучало только у него внутри.

— Ты остановилась, — сказал он, не открывая глаз.

— Ты не мог этого услышать. Там полная тишина.

— Я не слышал. Я почувствовал.

Он снял наушники и протянул ей:

— Надень.

— Зачем?

— Просто надень.

Ася надела. Мир исчез — звуки города, ветер, далёкий лай собаки. Осталась только глухая, ватная тишина, в которой её собственное дыхание казалось оглушительным.

Матвей взял её руку. Положил ладонью на корпус синтезатора и начал играть — тихо, одними пальцами. Ритм был простой: бас-бочка — пауза — малый барабан — пауза. Но сквозь наушники она не слышала ни звука. Только вибра-

цию. Только то, как корпус инструмента дрожит под её ладонью. Ася сдвинула наушник с одного уха, удивленно посмотрела на Матвея.

— Это то, что слышу я, — сказал он. — Не звук. Вибрацию.

Он взял её вторую руку и прижал к своей груди — туда, где билось сердце.

— А это — мой главный метроном. Когда всё остальное отказывает, я слушаю его.

Ася замерла. Под её ладонью — тёплая кожа, тонкая ткань футболки и ритм. Ровный, уверенный, живой. Сердце, оно никогда не сбивается.

— Когда мне было четырнадцать, — тихо сказал Матвей, не отпуская её руку, — я лежал в больнице и слушал тишину. Левое ухо отказывало постепенно. Сначала просто шум, как радиопомехи. Потом — высокий писк. Потом — ничего. Я просыпался среди ночи и думал: вот сейчас включу музыку, и всё станет как раньше. Но музыка стала... однобокой. Как будто из неё вынули половину красок.

— Почему ты не бросил? — спросила Ася. — Барабаны?

— Потому что это единственное, что у меня было. Ну, кроме мопеда. И бабушки. Бабушка говорила: «Матвей, если Бог закрыл одно ухо, значит, он открыл тебе что-то другое. Ищи». Я искал. Злился, психовал, но искал. Нашёл вот это. — Он постучал пальцем по груди. — И вот это. — По виску. — Ритм — он не в ушах. Он везде.

Он отпустил её руки. Ася сняла наушники. Мир вернулся — резко, оглушительно: ветер, город, гирлянды, которые тихо позвякивали на проводах.

— Я не хотела тебя мучить, — сказала она тихо. — Оперой. Маршем. Я не знала.

— Знаю. Поэтому и не злюсь. Ну, почти не злюсь.

— Лимбургер - вот что было жестоко! — засмеялась Ася.

— Лимбургер был за «бездарь».

— «Бездарь» была за «ты мне всё похерила».

Они посмотрели друг на друга. И вдруг расхохотались — громко, на всю крышу, как два старинных друга, которые только что осознали, какими идиотами они были.

— Господи, — сказала Ася, вытирая слёзы. — Мы же как дети.

— Хуже. Дети хотя бы мирятся быстрее.

— Мы помирились?

Матвей перестал смеяться. Посмотрел на неё — долго, серьёзно, без обычной своей фирменной усмешки.

— А ты как думаешь?

Ася не ответила. Просто сидела и смотрела на него — на шрам на переносице, на выгоревшие ресницы, на татуировку на запястье, которая, как она теперь знала, была ритмическим рисунком его любимой песни.

— Можно вопрос? — спросила она.

— Валяй.

— Почему ты не рассказал раньше? Про ухо. Про менин-

гит. Мы ведь столько воевали. Ты мог просто сказать.

Матвей отвёл взгляд. Достал из-под ног камешек — видно, занесённый ветром на крышу, — и покатал в пальцах.

— Потому что я не хочу, чтобы меня жалели, — сказал он. — Ненавижу жалость. Лучше пусть ненавидят, чем жалеют. С ненавистью я знаю, что делать. Я могу ударить в ответ. А с жалостью... что ты сделаешь с жалостью? Спасибо скажешь?

— Я тебя не жалею.

— Знаю. Поэтому ты здесь.

Он бросил камешек — тот покатился по крыше и исчез в темноте. Потом повернулся к ней:

— Теперь моя очередь.

— Что?

— Вопрос. Почему ты записываешь тишину? Почему ты такая тихая?

Ася вздохнула. Она ждала этого вопроса — и боялась его. Потому что одно дело — думать об отце про себя, и совсем другое — рассказывать о нем человеку, который только что дал тебе послушать своё сердце.

— Мой отец был дирижёром, — сказала она. — Очень талантливым. Он работал в филармонии, гастролировал. Он был известен. И вот однажды он взял и ушёл. Не к другой женщине. К музыке. Сказал нам с мамой, что семья — это слишком громко, а ему нужна дома тишина. Собрал чемодан и уехал в Европу, на гастроли, из которых не вернулся.

— И ты перестала играть громко.

— Я перестала играть вообще. На три года. Мама выбросила все мои ноты, закрыла пианино и сказала: «Хватит. Твоя музыка все разрушила». А потом я поступила в консерваторию. Назло ей. Назло ему. Или назло себе.

— Но громко до сих пор не играешь.

— Не могу. Каждый раз, когда я играю громко, мне кажется, что сейчас откроется дверь и кто-то уйдёт. И снова будет больно.

Матвей молчал. Долго. Потом встал, подошёл к краю крыши и посмотрел на город.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он.

— Что?

— Твой отец — идиот. Извини, конечно

— Ничего, — прошептала Ася.

— От такой музыки мог сбежать только глухой. А я, — он обернулся и посмотрел на неё, — я глухой только наполовину, так что имею право судить.

Ася улыбнулась — грустно, но искренне. И впервые за долгое время почувствовала, что тишина внутри неё — не враг. Что её можно тоже делить с кем-то. Что от неё не обязательно бежать.

— Сыграем ещё? — спросил Матвей.

— Что?

— Твою мелодию. Вместе. Ты на синтезаторе, я на барабанах. Попробуем найти конец.

— Ты думаешь, получится?

— Я думаю, что уже. Мы уже играем. Просто ещё не знаем, что это музыка.

Он сел за установку. Она — за синтезатор. И где-то на середине третьего такта мелодия, которая так долго молчала, наконец заговорила.

Глава 16. Почти поцелуй

Мелодия закончилась, но тишина, наступившая после, была другой. Не пустой. Не враждебной. А наполненной — как комната, в которой только что говорили о чём-то важном и теперь не нужно слов.

Матвей отложил палочки. Поднялся с установки, потянулся — хрустнули позвонки, — и подошёл к краю крыши. Ася осталась сидеть на ящике, прижимая остывшие пальцы к кружке с чаем, который они так и не допили.

— Иди сюда, — сказал он, не оборачиваясь.

Она встала и подошла. Встала рядом, опираясь на перила. Город лежал внизу, как рассыпанные бусы, — огни, мосты, чёрная вода канала. Ветер с залива приносил запах соли и осени.

— Я сюда прихожу, когда всё достало, — сказал Матвей. — Когда группа орёт, когда Илья смотрит как на предателя, когда в ухе звенит так, что хочется разбить голову о стену. Прихожу сюда — и смотрю. Это помогает понять.

— Что понять?

— Понять, что я маленький. Что мои проблемы — ещё меньше. Что есть город, есть небо, есть вот это всё. И я — часть этого. Не самая важная, но часть.

Ася посмотрела на него. В профиль, в свете гирлянд, он казался старше — не на двадцать три, на все тридцать. Уста-

лый воин, который слишком долго сражался в одиночку.

— Ты не маленький, — сказала она. — Ты... громкий.

Он усмехнулся:

— Это комплимент?

— Это факт, — Ася улыбнулась.

Они помолчали. Потом Ася сказала то, что вертелось на языке весь вечер:

— Почему ты меня позвал? Зачем тебе это все? Почему тратишь на меня свое время?

Матвей повернулся к ней. Теперь они стояли лицом к лицу, и между ними было расстояние ладони. Не трёх метров. Ладони. Одной.

— Потому что ты сбивалась, — сказал он. — Той ночью. Ми-минор. Ты сбивалась, плакала, но играла. И я подумал: вот человек, который понимает. Не головой, вот здесь. — Он коснулся пальцем её груди там, где сердце. — Ты понимаешь, что музыка — это не звук. Это то, что остаётся, когда звук уходит.

У Аси перехватило дыхание. Не от прикосновения — от того, что он сказал. Потому что она никогда не формулировала это словами, но всегда знала: да, именно так. Музыка — это то, что остаётся.

— Ты странный, — сказала она шёпотом.

— Я знаю.

— И глухой на одно ухо.

— Полтора уха. Не преуменьшай мои достоинства.

Она рассмеялась — тихо, почти беззвучно. Он тоже. И смех этот был как очередной мост между ними — хрупкий, но настоящий.

А потом он перестал смеяться. Просто смотрел — в её лицо, на растрёпанные волосы, на дурацкий карандаш, который всё ещё торчал из пучка. И она смотрела на него — на шрам, на ресницы, на губы, которые больше не усмехались.

Он наклонился - медленно, давая ей время отстраниться. Очень медленно — как человек, который боится спугнуть. Ася видела, как его лицо приближается, чувствовала его дыхание — тёплое, с привкусом чая с бергамотом, — и понимала, что мир сузился до одной точки - до этого момента, до этого расстояния, которое становилось всё меньше. Это было волнующе!

Но

Ася отшатнулась.

Резко, как от удара. Отступила на шаг, прижав ладонь к груди — туда, куда он только что прикоснулся, туда, где под толстовкой колотилось сердце.

— Я не могу, — сказала она. — Прости. Я не могу.

Матвей замер. Не обиженно. Не раздражённо. Просто замер, как человек, который ожидал чего-то подобного.

— Почему? — спросил он тихо.

— Потому что мы даже не друзья. Мы были врагами позавчера. Мы... я...

Она замолчала. Мысли путались, как провода от гирлянд,

и не складывались в то, что она хотела сказать. А хотела она сказать: «Я боюсь». «Я не умею».

Но вместо этого она сказала:

— Я не знаю, как это — быть с кем-то. Не воевать. Наверное, я умею только воевать.

Матвей смотрел на неё - внимательно и задумчиво. Потом медленно, очень медленно кивнул.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо. Я понял. — Он отступил на шаг, давая ей больше пространства и воздуха. — Я тебя не тороплю. И не заставляю. И не буду.

— Прости, я...

— Тш-ш-ш. — Он поднял палочку, которую всё ещё держал в руке, и прижал к её губам — легко, почти шутливо. — Не извиняйся. Ты ничего мне не должна. Мы просто играем. Помнишь?

— Помню.

— Вот и давай пока просто играть. А остальное... — он пожал плечами. — Как пойдёт.

Она выдохнула. Напряжение ушло — не полностью, но достаточно, чтобы она перестала дрожать.

— Ты правда странный, — сказала она.

— Ты повторяешься.

— Потому что это правда.

Он улыбнулся — на этот раз той самой улыбкой, от кото-

рой у неё с недавних пор сжималось что-то внутри. Но сейчас она не отшатнулась. Просто улыбнулась ему в ответ.

И это было началом.

Не поцелуй. Не признание. Не внезапная страсть. Не любовь с первого взгляда и даже со второго.

— Ладно, соседка, — сказал Матвей. — Поздно уже. Завтра у тебя пары, у меня работа и репетиция. Так что давай закругляться. На сегодня все.

Он подал ей руку. Она посмотрела на его ладонь — широкую, с мозолями от палочек и вьёвшейся под кожу краской от установки. Потом вложила в эту ладонь свою.

Он помог ей спуститься с крыши — вниз по узкой лестнице, через чердак, через запах голубей и старого дерева. Довёл до двери квартиры номер двенадцать. Остановился.

— Спокойной ночи, Ася.

— Спокойной ночи, Матвей. И До встречи?

— До встречи, — он кивнул ей на прощание.

Она закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. И стояла так, пока его шаги не стихли.

Сердце всё ещё колотилось. Но уже не от страха. От чего-то другого - странного и пока не совсем ей понятного ощущения.

Глава 17. Лаборатория

Идея родилась у Матвея. Как и большинство его идей — внезапно, на грани безумия и гениальности.

— Кладовая, — сказал он, когда они в очередной раз сидели на крыше. — На чердаке. Ты её видела?

— Кладовую?

— Ну, такая дверь, обитая железом. Там раньше жильцы хранили всякий хлам. Старые лыжи, трёхлитровые банки, сломанный велосипед Карповых. Я туда заглядывал — там полно места.

— И зачем нам кладовая?

— Там будет наша студия.

Ася отложила термос, из которого они по очереди пили чай, и посмотрела на него с выражением, которое обычно приберегала для особо бредовых идей профессора Когана, своего преподавателя в консерватории.

— Студия. В кладовой. На чердаке, — медленно произнесла она - так, будто разговаривала с сумасшедшим.

— Ну да. А что? Там сухо, темно, никто не ходит. Звукоизоляция — кирпичные стены, перекрытия довоенные. Мы можем поставить синтезатор, мои барабаны, ноутбук. И играть. Когда захотим. Без соседей.

— Мы и так играем без соседей. Мы единственные соседи на этом этаже, если ты не заметил.

— Да, но в кладовке мы не будем мешать бабе Зое. У неё чуткий сон, ты же знаешь.

Ася покачала головой, но уголки губ уже поползли вверх. Она пыталась сохранить скептическое выражение лица — и не могла. Потому что идея, при всей её абсурдности, была прекрасна. Ася не привыкла к такой легкости и безрассудности.

— Нет, ты реально сумасшедший, — сказала она.

— Я музыкант. Это одно и то же.

Ася рассмеялась.

— Но ведь я тоже музыкант!

— Значит мы оба - того!

Их общий смех - это было то, к чему Ася так быстро привыкла. Настолько быстро, что, казалось, что они так смеялись всю жизнь.

На следующий день они начали расчищать кладовую.

Это оказалось тем ещё приключением. Кладовая не проветривалась, кажется, с советских времён. Пахло пылью, старыми газетами и чем-то сладковатым — то ли сушёными яблоками, то ли чьей-то забытой мечтой. Вдоль стен громоздились коробки с надписями «ёлочн. игрушки», «лыжи — НЕ ТРОГАТЬ», «Зина, это твоё, забери наконец». Лыжи, судя по всему, никто не трогал с 1983 года.

— Смотри, — Матвей вытащил из-под груды хлама старый патефон. — Работает?

Он крутанул ручку. Патефон издал скрип, напоминающий

предсмертный вздох, и затих.

— Не работает.

— Жаль. Было бы атмосферно.

Ася тем временем обнаружила коробку с пластинками. Она вытерла пыль с верхней — «Времена года» Чайковского, запись 1965 года. Пластинка была в идеальном состоянии.

— Интересно, чье это? — спросила она.

— Не знаю. Наверное, бывшего жильца. Например, который жил в твоей квартире до тебя. Только представь! Он умер, а вещи остались. Какой-нибудь старый скрипач, играл в Мариинке.

Ася бережно положила пластинку обратно в коробку. Почему-то ей показалось важным, чтобы эти вещи остались здесь — как напоминание, что музыка в этом доме звучала задолго до них.

Они провозились до вечера. Вынесли хлам, подмели пол, притащили с крыши гирлянды и развесили по стенам. Матвей приволок снизу свою запасную установку — компактную, на падах, чтобы не греметь. Ася принесла старый синтезатор, ноутбук, плед и чайник.

— Плед? — удивился Матвей.

— Ну, тут холодно, если ты не заметил. И вообще — для атмосферы.

К десяти вечера кладовая преобразилась. Гирлянды мягко светились, отбрасывая на кирпичные стены тёплые жёлтые блики. Плед лежал на полу. На ящике из-под апельсинов

стоял электрический чайник. В углу — синтезатор, рядом — пады.

Матвей оглядел результат и присвистнул.

— Ну вот. Теперь у нас троих есть свое место.

— У нас троих? — удивленно спросила Ася.

— Ну да. У нас. Ты, я и патефон, который не работает.

Ася фыркнула, села на плед, привалившись спиной к стене.

— Знаешь, — сказала она, — когда я поступала в консерваторию, я мечтала о студии. О настоящей, с аппаратурой, с микрофонами, с лейблами. А в итоге сижу в кладовой с тобой и патефоном.

— С барабанщиком и патефоном!

— С барабанщиком! — согласилась она. — Это всё меняет.

— Не преуменьшай наши с патефоном достоинства!

— Хорошо, не буду.

Они улыбнулись друг другу.

Матвей сел рядом — не вплотную, но достаточно близко, чтобы она чувствовала его запах и тепло его плеча.

— Ты жалеешь?

— О чём?

— Что всё так. Что не лейбл, не студия, не консерваторские лавры. А чердак, кладовая и полуглухой сосед.

Ася повернулась к нему.

— Нет, — сказала она серьёзно. — Не жалею.

И это была правда.

Первая репетиция в «Лаборатории» — так они окрестили обновленную кладовую — состоялась на следующий вечер. Ася принесла ноты своей незаконченной мелодии (она наконец записала её, пока ехала в метро), Матвей — новую палочку для хай-хэта взамен сломанной.

Они начали играть — и сразу наткнулись на стену.

— Ты спешишь, — сказала Ася, останавливаясь.

— Я не спешу.

— Спешишь. Вот здесь, в бридже. Ты вступаешь на долю раньше.

— Я вступаю по ощущению.

— А надо по нотам.

Матвей отложил палочки.

— Знаешь, в чём твоя проблема? Ты слишком правильная. Ты играешь так, будто боишься ошибиться. А музыка — это не диктант. Это живое.

— А знаешь, в чём твоя проблема? Ты играешь так, будто правил вообще не существует.

— А они существуют?

— Существуют! Ритм, размер, темп...

— Ритм — это вот здесь. — Он снова прижал руку к груди. — А не на бумажке.

Они смотрели друг на друга, как два боксёра перед раундом. Потом Ася вдруг закрыла крышку синтезатора.

— Хорошо, — сказала она. — Покажи.

— Что показать?

— Сыграй. Без нот. Без правил. То, что ты чувствуешь.

Матвей помедлил. Потом сел за установку, взял палочки и начал играть.

Это было непохоже на то, что он играл раньше. Не рок, не панк, не ритмические упражнения. Что-то сырое, почти первобытное — хаотичный грохот, который постепенно, такт за тактом, обретал форму. Он играл не музыку — он играл себя. Свою глухоту. Свою злость. Свой страх.

Ася слушала. Не ушами — телом. Так, как он учил.

Она молча включила синтезатор и начала играть. Медленно. Нежно. Достраивая его хаос мелодией.

Это был прорыв.

— Вот так, — сказала она, когда последний аккорд растаял в тишине. — Вместе. Ты и я.

Матвей вытер пот со лба.

— Демо будем писать?

— Демо будем писать.

— У нас даже названия нет.

— Придумаем.

— «Окна напротив»?

Ася улыбнулась.

— Банально.

— Зато правда.

Она покачала головой, но спорить не стала. Потому что название — «Окна напротив» — действительно было прав-

дой.

Глава 18. "Окна напротив"

Запись назначили на субботу. Матвей притащил в «Лабораторию» звуковую карту, которую одолжил у Лёхи-гитариста под честное слово, и два микрофона — один для синтезатора, второй для голоса.

— Я не буду петь, — сказала Ася, когда увидела микрофон.

— Будешь, — спокойно ответил Матвей, как будто это само собой разумеющееся.

— Я не певица. Я пианистка. Я вообще голоса своего не люблю и стесняюсь его!

— А ты попробуй. Вдруг сейчас тебе понравится. Давай уже! Борись со своими страхами!

Ася хотела снова возразить, но Матвей уже колдовал над ноутбуком, подключая провода и ругаясь сквозь зубы на драйверы, которые, как обычно, слетели в самый неподходящий момент.

За окном — вернее, за крошечным чердачным окошком под потолком — моросил дождь. Капли стучали по жестяному отливу размеренно, как метроном: кап-кап-кап. В «Лаборатории» пахло чаем, пылью и чем-то ещё — кажется, мандаринами, которые Матвей снова принёс. Гирлянды мерцали жёлтым. Плед был перекинут через ящик из-под апельсинов, и Ася, сидя на нём, поджала под себя ноги в шерстяных

носках.

Ей было хорошо здесь, уютно и спокойно. До тех пор, пока он не предложил ей спеть! Сумасшедший!

— Готово, — сказал Матвей и нажал кнопку записи. — Дубль один. Поехали.

Она заиграла.

Ми-минор — тональность, которая стала почти родной. Правая рука повела тему — грустную, но уже не безнадёжную. Левая вступила позже. Темп она взяла чуть быстрее, чем обычно, — и Матвей заметил это, потому что удивлённо поднял брови, но комментировать не стал.

Восемь тактов. Шестнадцать. Тот самый момент, где мелодия всегда обрывалась, — она прошла его и двинулась дальше, в новый, ещё не изведанный раздел. Пальцы сами находили ноты. Как будто музыка ждала этого момента — ждала, пока кто-то включит запись, чтобы наконец родиться целиком.

— Вокал, — прошептал Матвей. — Давай.

Ася открыла рот.

Она не планировала петь. У неё не было текста — только мелодия, которую она напевала про себя последние три дня. Но когда первый звук сорвался с губ, он лёг на музыку так естественно, будто всегда там был. Тихий, чуть дрожащий голос — она пела без слов, просто «а-а-а», но в этом «а-а-а» было больше смысла, чем в иных стихах.

Матвей вступил на барабанах — мягко, почти невесомо,

одними щёточками. Он не заглушал её — он обрамлял. Его ритм был как рама для картины: не перетягивает внимание, но держит форму.

Это было красиво и волнительно. У Аси разругались щеки, по телу пошли мурашки.

Они сыграли до конца. Последний аккорд. Последний удар по тарелке — лёгкий, рассыпчатый, как серебряный дождь.

И тишина.

Ася выдохнула и открыла глаза. Она не заметила, когда закрыла их. Сердце колотилось. Пальцы дрожали.

Матвей нажал кнопку остановки записи. Откинулся на спинку крышки. Посмотрел на Асю.

— Ну, — сказал он хрипло. — Вот теперь у нас есть трек.

— Дай послушать.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Сначала — традиция.

Он достал из-под синтезатора маркер — тот самый, чёрный, перманентный, которым когда-то написал «ТЫ МНЕ ВСЁ ПОХЕРИЛА». Подошёл к кирпичной стене, нашёл свободное место и вывел:

Дубль 1. 12 октября. 02:47 ночи.

— Что ты делаешь?

— Отмечаю. Это исторический момент. Первая запись в «Лаборатории». Когда мы станем знаменитыми, сюда будут

водить экскурсии.

— Конечно. «Здесь два сумасшедших соседа писали демо в кладовке». Толпы фанатов придут посмотреть это место!

— рассмеялась Ася.

— Не иронизируй. Ты только что пела. Впервые в жизни, я угадал?

Ася смутилась.

— Это был первый и последний раз, когда ты услышал мой голос! — строго сказала она.

— Не в последний. Я же записал его.

— Матвей! — возмущенно вскрикнула Ася.

Но он уже включил воспроизведение. Из колонок полилась музыка — та самая, которую они только что создали вдвоем. Ми-минор. Медленное пианино. Её голос, парящий над клавишами. Его ритм, деликатный и точный.

Ася слушала и не узнавала себя. Это действительно было... хорошо. Не гениально. Не идеально — она слышала пару шероховатостей, которые надо будет исправить. Но в этом было что-то живое и очень крутое. Что-то, чего ей всегда не хватало в академических записях.

— Ну как? — спросил Матвей, когда трек закончился.

— Это Не знаю. Это странно.

— Странно — это хорошо или плохо? — допытывался он.

— Странно — это странно. Я не думала, что могу так. Без подготовки, без нот Как-то случайно все вышло.

— Вот именно. Без подготовки. Без нот. Без твоего Ко-

гана, который стоит над душой и говорит, что ты делаешь неправильно. Просто ты. Просто я. Просто музыка. И дам - все самое лучшее выходит именно так - случайно.

Ася посмотрела на него. Он сидел, откинувшись на крышке, и улыбался — широко, открыто, как человек, который только что выиграл в лотерею.

— Ты доволен? Тебе самому понравилось? — тихо спросила она.

— О! Я счастлив. Это лучший трек, который я записывал за последние два года.

— Но это даже не рок.

— Плевать. Главное - это музыка. Настоящая.

Он встал, подошёл к ней и протянул руку:

— Поздравляю, соседка. Мы теперь дуэт. Так что там с названием?

— «Окна напротив». Решили же?

Ася взяла маркер и под его надписью на стене вывела:

«Окна напротив». Дубль 1.

— Ну вот, — сказала она. — Вот теперь мы дуэт.

Они стояли в крошечной кладовой, освещённой гирляндами, и смотрели на надпись на стене. За окошком моросил дождь. В чайнике закипала вода. Где-то далеко, внизу, баба Зоя спала с включенным телевизором и не подозревала, что прямо над её головой, на чердаке, только что родилась настоящая музыка.

— Знаешь, — сказал Матвей, — я понял, чего не хватало

твоей мелодии.

— Чего?

— Меня.

Ася закатила глаза, но улыбнулась:

— Ты невыносим.

— Я знаю. Но ты всё равно здесь.

И она не стала спорить.

Глава 19. Группа против

Репетиционная точка «Стеклобоья» встретила Матвея привычным запахом плесени и старых труб. Он пришёл на час раньше, чтобы всё подготовить: расставил стулья полукругом, подключил ноутбук к портативной колонке, загрузил файл. Папка называлась «Окна напротив_дубль1.wav».

Илья и Лёха явились ровно в семь. Илья — с неизменным басом в чехле, Лёха — с сигаретой в зубах, которую он затушил о подошву прямо перед дверью.

— Что за срочность? — спросил Илья, оглядываясь. — Ты сказал «важный разговор». Если ты уходишь из группы, лучше скажи сразу.

— Я не ухожу. Сядьте, парни.

Они сели. Матвей остался стоять у ноутбука. Сердце колотилось где-то в горле, но руки не дрожали — он давно заметил, что перед выходом на сцену или перед трудным разговором тело становилось спокойнее, чем в обычной жизни.

— Я записал трек, — сказал он. — Не со «Стеклобоем». С другим человеком.

Илья переглянулся с Лёхой.

— С кем?

— С соседкой. Ну С той самой.

Пауза. Лёха присвистнул. Илья медленно, очень медленно откинулся на спинку стула.

— С той самой, — повторил он. — Которая написала «ТЫ БЕЗДАРЬ» на простыне. Которая врубала оперу в семь утра. Которая...

— Ну да. С ней. Но вы должны это услышать!

И не дожидаясь ответа, Матвей нажал Play.

Музыка заполнила подвал — негромкая, почти интимная, совсем не похожая на то, что привыкли играть в этих стенах. Пианино. Щёточки по барабанам. Дрожащий девичий голос без слов. Ми-минор.

Матвей смотрел на лица друзей и пытался угадать реакцию. Лёха слушал с приоткрытым ртом — его всегда можно было читать как открытую книгу. Илья — с непроницаемым выражением, скрестив руки на груди.

Три минуты двадцать секунд. Трек закончился.

Тишина.

— Ну, — сказал Лёха первым. — Сыро, но так-то это круто.

— Правда? — Матвей выдохнул.

— Правда. Это вообще не наш жанр, но круто. Атмосферно. Как саундтрек к какому-нибудь арт-хаусу. И девушка у тебя хорошо поёт.

— Она не у меня. Мы просто... играем вместе.

— Ага, конечно. — Лёха усмехнулся.

Матвей повернулся к Илье:

— А ты что молчишь?

Илья поднял на него глаза. Молчал ещё несколько секунд.

Потом сказал:

— Ты для этого нас позвал? Чтобы показать, что ты теперь играешь с кем-то другим?

— Я не «играю с кем-то другим». Я играю с вами. Это — параллельный проект. Эксперимент. Я просто хотел, чтобы вы оценили.

— Ну что ж, мы оценили, — Илья встал. — Хороший эксперимент. Качественный. Но объясни мне: ты тот самый парень, который три недели назад лажал на каждой репетиции. Который сбивал ритм. Которого мы почти выгнали из группы. А теперь ты приходишь и показываешь трек, где ты играешь идеально. С ней! Не с нами.

— Это другое. Там другой материал, другой темп, другой подход...

— Дело не в темпе, Мэт. — Илья шагнул к нему. — Дело в том, что ты собрался. Но не с нами. С ней.

Матвей почувствовал, как внутри закипает знакомое раздражение. Он сжал кулаки и заставил себя дышать ровно.

— Ты сам сказал: разберись с тем, что у тебя в голове. Я разобрался. Я нашёл то, что держит ритм. Это она.

— Твоя соседка держит твой ритм?

— Да. Я не знаю, как это объяснить. Когда я с ней — я слышу. По-настоящему. Даже левым ухом.

Илья долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на Лёху, будто искал поддержки. Лёха пожал плечами:

— Я не вижу проблемы. У него появился сайд-проект. Это

нормально. У всех есть сайд-проекты.

— У нас концерт через две недели, — сказал Илья. — Ты помнишь?

— Помню.

— И ты готов?

— Готов. В этот раз я точно не облажаюсь.

— Ее позовешь на помощь? — во взгляде Ильи промелькнула злость.

— Не позову. Она уже помогла.

Илья взял бас. Закинул на плечо. Пошёл к выходу.

— Ладно, — сказал он, не оборачиваясь. — Сыграем в пятницу. Посмотрим, насколько ты собрался. И если опять все испортишь — пеняй на себя.

Дверь хлопнула.

Лёха подошёл к Матвею и хлопнул его по плечу:

— Не парься. Он просто ревнует.

— К кому?

— К ней. Ты же знаешь Илью — для него «Стеклобой» как ребёнок. А тут ты приходишь и говоришь: у меня теперь есть другой ребёнок. Ему просто надо время, чтобы принять это все.

— Это не другой ребёнок. Это... я не знаю, что это.

— Это музыка, Мэт. — Лёха улыбнулся. — Но ты понял, о чем я.

Леха накинул куртку и вышел следом за Ильёй. Матвей остался один в пустом подвале. Подошёл к ноутбуку, пере-

запустил трек. Закрыв глаза.

Зазвучало пианино. Её голос. Его ритм.

Илья мог злиться сколько угодно. Лёха мог шутить. Но факт оставался фактом: впервые за долгое время Матвей Королёв играл не потому, что должен. А потому, что не мог не играть.

Он вернулся домой поздно. В окне напротив горел свет. Ася сидела за пианино и что-то записывала в нотную тетрадь. Матвей подошёл к окну, открыл створку и постучал костяшками по раме..

Она тут же подняла голову. Улыбнулась. Открыла окно:

— Привет, ну что?

— Они послушали.

— И?

— Лёхе понравилось. Илья сказал, что это круто, но он в бешенстве.

— Почему?

— Потому что я играю с тобой лучше, чем с ними.

Ася помолчала. Сердце гулко стучало в ее груди.

— Это плохо?

— Это правда. — Матвей оперся о подоконник. — Завтра у нас репетиция. Если я не облажаюсь — всё будет хорошо.

— А если облажаешься?

— Тогда я, кажется, останусь без группы.

Ася отложила карандаш и подошла ближе к окну. Три метра воздуха. Расстояние, которое они уже научились преодо-

левать.

— Ты не облажаешься, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты играл со мной. А мы, если ты не заметил, звучим мы хорошо.

Матвей улыбнулся:

— «Окна напротив»?

— «Окна напротив». Спокойной ночи, сосед.

— Спокойной ночи, соседка.

Он закрыл окно. Она задёрнула штору. Свет погас.

Но музыка — та, что сейчас звучала у обоих в голове, — не стихала до самого утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.